

# БРАТСКИЙ ВЕСТНИК

## ОПОВЕЩЕНИЯ ПРАВЛЕНИЯ СВЯТО-КНЯЗЬ-ВЛАДИМИРСКОГО БРАТСТВА

№ 15

I, 2000

### КОНЧИНА Л.А.МЮЛЛЕРА

Наше Братство понесло тяжелую утрату. 25 января с.г. скончался член правления и казначей Братства Леонид Антонович Мюллер. Став членом Свято-Князь-Владимирского Братства 17 июня 1986 года, Леонид Антонович 27 февраля 1993 года принял на себя обязанности бухгалтера и казначея Братства и образцово исполнял эти обязанности, несмотря на всё ухудшающееся состояние здоровья, до самого конца своей жизни. В последние месяцы успел подготовить себе смену и передать дела Д.Г.Рару.

Леонид Антонович Мюллер родился 2 февраля 1920 года в деревне Нестеровка Каменец-Подольской области. Ввиду преследований, которым советская власть подвергала всю его семью, Леониду Антоновичу пришлось неоднократно менять свое место жительства, забираясь даже в такие глухие места, как таежные горы Сихотэ-Алиня на Дальнем Востоке. Леонид Антонович увлекательно рассказывал об этом отрезке своей жизни, как, впрочем, и о том, как в 1941 году он был призван в Красную армию, попал в окружение и едва не погиб в немецком плену. Но несмотря на просьбы друзей он так и не написал и не продиктовал своих воспоминаний. Времени

у него всегда было в обрез. Ведь он был и финансовым советником издательства "Посев", и одним из учредителей Международного общества защиты прав человека, избирался в местный парламент города Бад-Гомбург, был активным членом русского православного прихода во Франкфурте, и всё это совмещал с активной политической деятельностью в рядах Народно-Трудового Союза (НТС).

Кто знал Леонида Антоновича на протяжении многих десятилетий, но и те, кому пришлось соприкасаться с ним лишь краткое время, неизменно ценили его доброжелательное отношение к себе, готовность помочь и прямому.

Анна Рудольфовна Мюллер была верной спутницей Леонида Антоновича на протяжении 56 лет совместной жизни. Только одного не могла она от него добиться: чтобы он больше берег себя, чтобы он не размышлял столь мучительно о делах, которые "еще обязательно надо успеть довести до конца". Последние годы жизни Леонида Антоновича были омрачены мучительными болезнями, которые он переносил с большим мужеством.

Вечная память Тебе, дорогой друг.

*Правление Братства*

## НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ

На заседании Правления Братства 31 августа 1999 года Л.А.Мюллер по состоянию здоровья попросил освободить его от обязанностей казначея, бухгалтера и члена Правления Братства. Письменно попросил об освобождении от обязанностей члена Правления также и Е.И.Репников.

Правление удовлетворило оба ходатайства и в соответствии с § 10/5 действующего Устава Братства пополнило свой состав путем кооптации двух новых членов Правления.

Новыми членами Правления были избраны Ф.А.Васильева-Вест и В.С.Курдюков.

Фаина Андреевна Васильева-Вест - экономист, обладательница диплома Industriekauffrau, работает по финансовой части в крупной телефонной компании. Ее хорошо знают члены русской колонии и прихода во Франкфурте по ее работе со скаутами и по ее близости с издательству «Посев», где отец ее в течение многих лет заведовал книжным антиквариатом. Ф.А.Васильева-Вест согласилась стать казначеем Братства.

Владимир Сергеевич Курдюков родился в Париже, в русской военной семье (отец его - участник Белого Движения). Его брат, Сергей Сергеевич Курдюков, - известный парижский церковно-общественный деятель. А сам Владимир Сергеевич - многолетний сотрудник издательства «Посев», профессиональный типограф. Со времени своего вступления в Братство - ревностный прихожанин, певчий и «трудник» братского храма в Бад-Наугейме.

Общему Собранию Братства предстоит утвердить полномочия Ф.А.Васильевой-Вест

и В.С.Курдюкова как членов Правления Братства. Срок их полномочий завершится с окончанием полномочий Правления Братства в целом.

## ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ БРАТСТВА

В последний раз Общее собрание членов Свято-Князь-Владимирского Братства было созвано 17 октября 1998 года. В 1999 году в силу определенных неблагоприятных обстоятельств созвать общее собрание не удалось. Ныне нам предстоит выдержать двойную нагрузку: обсудить и принять отчетные доклады за 1998 и 1999 годы.

Кроме того, на повестке Общего собрания, назначенного на 22 июля с.г., стоит рассмотрение предложений об изменении некоторых положений Устава Братства.

Одно из неудобств ныне действующего Устава - двухмесячный срок созыва общих собраний Братства. Следует обсудить целесообразность сокращения срока созыва регулярного собрания до одного месяца, а срока созыва чрезвычайного общего собрания - до двух недель.

Прежние сроки созыва собраний были установлены для того, чтобы дать возможность участвовать в них также и членам Братства, живущим за пределами Европы, в США. Однако, опыт показывает, что члены Братства из Америки, даже будучи извещены о собрании за два месяца, всё равно почти никогда не имеют возможности лично приехать на общие собрания Братства.

Не всегда могут приехать на общие собрания даже и члены Братства, живущие в Европе, - в Швейцарии, Дании, Франции, Испании, Бельгии, да и в Германии. Поэтому, нам надо будет обсудить вопрос о

возможном введении права передачи своего голоса теми членами Братства, которые не могут прибыть на собрание, тем, кто на собрание поедет. В разосланном проекте изменений устава предлагается такой порядок, при котором каждый участник собрания имел бы право представлять и дополнительно использовать право голоса пяти отсутствующих членов Братства. Может быть, сосредоточение 6 голосов в руках одного участника собрания будет слишком похоже на практику собраний членов акционерных обществ. Возможно стоит ограничить количество передаваемых одному члену Братства заочных избирательных мандатов двумя?

К сожалению, в прошлом отдельные члены Братства или даже группы их в случае внутренних конфликтов обращались в гражданские суды. Между тем, еще св. апостол Павел (1 Кор. 6, 1) осуждал христиан, которые за разрешением своих внутренних споров обращаются в мирские суды.

В общественных кругах, строящих свои отношения не только на формальном понимании действующих законов и уставных положений, но и на понятиях уважения личного достоинства, взаимной поддержки и чести, веками существовали, да и ныне существуют третейские суды и суды чести. В частности, такие суды, и при том, пользовавшиеся очень большим авторитетом, существовали в Российской армии, а также при всех полковых объединениях в эмиграции. Имеются суды чести в скаутских (например, ОРЮР) и политических (например, НТС) организациях.

Нам следует решить вопрос о желательности избрания Братского суда. Братскому суду необходимо вменить в обязанность, прежде всего искать примирения между

спорящими или враждующими членами Братства. Но он должен также обладать правом судебного приговора от выражения предупреждения и предостережения вплоть до исключения из состава Братства.

Справедливость постановлений Братского суда может обеспечить лишь нравственная безупречность, уравновешенность суждений и житейская мудрость членов суда, которых мы уже на собрании 22 июля можем выбрать, если на то будет воля участников Общего собрания.

Особенно важно избрать председателя (председательницу) суда, который обладал бы (которая обладала бы) непредвзятостью, трезвенностью и независимостью суждений. Теми же качествами должны обладать и заседатели, а также их заместители.

Пусть каждый из нас тщательно продумает, кого он хотел бы видеть председателем (председательницей) и членами Братского суда, и за каких кандидатов в члены суда он будет голосовать.

Изменение Устава - важное и ответственное дело. Правление надеется, что значительное большинство членов Братства сможет прибыть в Бад-Киссинген и примет участие в решении назревших вопросов в жизни Братства.

## † В.Н.КЕСЛЬ-ГАНИЯР

3 апреля 2000 года после долгой и тяжелой болезни скончалась Валентина Николаевна Кесль, рожд. Ганияр. С 1983 по 1994 год она безвозмездно несла обязанности хранителя братского храма в Киссингене и вложила много сил и средств в благоустройство храма. Сохраним благодарную память о рабе Божией Валентине.

# ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

"Независимая газета", 22 марта 2000

## СТАРЫЕ ВОПРОСЫ НОВОГО ВЕКА

Христианства нет без Церкви, но есть ли Церковь без монархии?

**ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ**

Последнее десятилетие в нашей церковной жизни стало временем, когда после 70 лет гонений и официального безмолвия на тему государственного развития России церковная иерархия и широкие круги православной общественности получили наконец возможность открыто обсуждать вопросы, касающиеся перспективы возрождения русской православной государственности. Среди подчас весьма разнообразных суждений, высказанных по данным вопросам, безусловно преобладающей следует признать точку зрения, согласно которой подлинное возрождение русской государственности связывается с восстановлением в нашей стране неограниченной самодержавной власти православного государя. При этом в качестве образцов подобной системы государственной власти предлагаются преимущественно царствования государей допетровского периода российской истории, от Алексея Михайловича до Ивана Грозного.

### САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ КАК АТРИБУТ ПРАВОСЛАВИЯ

Сторонники данной точки зрения предлагают в качестве непреложной "аксиомы религиозного опыта" утверждение, что лишь существование самодержавной монархии делает возможной полноценную цер-

ковную жизнь в истории любого православного народа. Более того, монархическое государство является неотъемлемым атрибутом православной церковной жизни во все времена, ибо лишь подобное государство способно стать гарантом сохранения и торжества Православной Церкви в этом мире. Как утверждает один из последних манифестов сторонников рассматриваемой точки зрения с весьма характерным названием «Государственный катехизис», «единая Христова Церковь имеет две основные функции: внутреннюю, сакрально-евхаристическую... и внешнюю - осуществление отношений с миром, во зле лежащим... Для исполнения первой задачи Церкви учреждена в ней иерархия клира, или священства, возглавляет которую епископ... а для второй учреждена в Церкви иерархия мирян, или царство, которую возглавляет внешний епископ Церкви - помазанник Божий».

Однако политическая жизнь современной России с суровой очевидностью демонстрирует почти полное отсутствие в ней не только сколько-нибудь заметных политических движений и партий, но и сколько-нибудь влиятельных политических деятелей, которые бы сочли необходимым начертать на своих знаменах в качестве основополагающего лозунг возрождения русской православной монархической госу-

дарственности. В результате значительная часть современных православных христиан России начинает воспринимать общественно-политическую жизнь страны как сферу, окончательно отчужденную от Православной Церкви, как сферу, в которой православный христианин не может достичь успеха, оставаясь верным своим религиозным убеждениям. Тем самым и без того секуляризованная, потрясающая невежеством своих представлений о Церкви общественно-политическая жизнь России окончательно отдается на откуп политикам, настроенным религиозно индифферентно, а подчас и антицерковно, в то время как большинство православных христиан продолжают уже более 10 лет ожидать очередного государственно-политического чуда в виде дарования России православного государя.

При этом меньшая, хотя и весьма активная часть православной общественности в поисках каких-нибудь «православнообразных» политических сил идет на самые причудливые, практически бесплодные и нравственно кощунственные соглашения с теми, кто и сейчас продолжает объявлять себя продолжателем идей русского коммунизма, поправшего Святую Русь. В политическом лексиконе современной России появилось такое одновременно бессмысленное и безнравственное понятие, как «православный сталинизм». Предметом серьезного обсуждения некоторых клириков и мирян становится брошюра коммунистического вождя Геннадия Зюганова «Вера и верность», спекулирующая на историческом невежестве наших современников и поражающая своим принципиальным бесстыдством по отношению к Русской Православной Церкви и российской монархической государственности, которым смеет воздавать дань уважения главный продолжатель дела Ленина,

Троцкого и Сталина, столь потрудившихся над разрушением Церкви и уничтожением монархии.

## ВИЗАНТИЙСКАЯ МОДЕЛЬ

Столь печальное сочетание идейного бесплодия и мировоззренческой бессмыслицы в позиции широких кругов православной общественности так и не сумевшей современно сформулировать и начать проводить в жизнь общественно-политическую позицию Русской Православной Церкви, в числе разных причин для своего объяснения имеет широко распространившийся в церковной среде религиозно-политический миф о якобы извечно существовавшей в земной истории и благословленной свыше монархической государственности, благодаря которой и стало возможно утверждение в мире православной Церкви. Отсутствие реальных перспектив появления системы монархической государственности в современной России мировоззренчески дезориентирует и парализует волю многих русских православных христиан, превращает их в политических неудачников и прожектеров, находящихся на обочине общественной жизни современной России.

Для подобной категории общественности с наличием в России православного государя начинает нерасторжимо связываться не только возможность возрождения традиционной государственной жизни в России, но и перспектива дальнейшего сохранения Православной Церкви в нашей стране. И чем менее реальным представляется им появление у нас православного самодержца, тем более распространяется ими другой искусительный миф русского религиозного сознания о «России перед вторым пришествием», ибо ведь не может же существовать

Церковь в России без царя. Соблазн социально-политического утопизма, ввергнувший Россию в катастрофу 1917 года, в настоящее время уступил место соблазну религиозно-политического утопизма, парализующему волю православных христиан современной России и лишаящему их столь необходимой на пороге третьего тысячелетия христианской эры духовно-исторической трезвости.

Нашим православным современникам подчас кажется, что действительно уникальная, просуществовавшая почти полтора тысячелетия византийская цивилизация смогла создать законченную, на все времена универсальную систему церковно-государственных отношений, которая может быть воспроизведена в церковно-политической жизни каждого православного народа в любую историческую эпоху. А между тем реальные факты истории Православной Церкви в Византийской империи являются нам исполненную глубоких внутренних конфликтов картину трудно, а подчас и поверхностно оцерковлявшейся монархической государственности в медленно, но искренне и глубоко воцерковлявшемся византийском обществе. Первые христианские государи в Византии еще продолжали носить языческий титул верховного жреца, и только в середине V века произошла первая коронация византийского императора как православного царя. Среди почти 80 византийских государей были лишь 12 святых, но почти столько же императоров оказывались вплоть до X века покровителями многих сотрясавших Православную Церковь ересей от арианства до иконоборчества. Только в X веке власть византийских императоров стала освящаться миропомазанием, что не мешало некоторым помазанным на царство государям

дважды навязывать Православной Церкви унию с папским Римом.

Имея перед собой тысячелетнюю монархическую государственность, персонифицированную в личностях византийских императоров, православная церковная иерархия всегда стремилась не к утопическому идеалу оцерковленного государства, но уповала на воцерковление личностей конкретных государей. Формулируя учение о симфонии патриаршей и императорской властей в строгих богословских понятиях и ярких художественных образах византийской духовной культуры, православные иерархи настаивали на том, что христианский государь, наделенный огромными полномочиями в области государственной жизни, в вопросах духовных должен поступать как смиренный сын Церкви. Его отношение к Патриарху - это отношение духовного чада к духовному отцу. Без каких-либо формальных обязательств православный государь должен принимать Божью волю, выраженную через благословение церковных соборов и православного первосвященника, как основополагающее указание для своей государственной деятельности. В подчеркнутом нежелании православной иерархии формальными, имеющими законодательную силу соглашениями обязывать императоров исполнять волю патриархов и включать императорскую власть в систему канонических отношений Церкви проявлялось всегда присущее православной иерархии ясное осознание непереходимой грани между Царством Небесным и царством земным, онтологической несопоставимости Церкви и государства.

Весьма показательно, что, сколь бы высоко ни превозносилась императорская власть в соборных посланиях или проповедях византийских церковных иерархов, идея

православной монархической государственности так никогда и не приобрела формы соборно принятого общеобязательного догматического учения Церкви. Как бы ни стремилось византийское государственное законодательство начиная с VI новеллы Юстиниана интегрировать в церковную жизнь монархическую государственность как нечто сопоставимое по своей природе с церковной иерархией, церковные каноны так никогда и не обосновали царя-помазанника в церковной жизни. «Чтобы ты не говорил, что Церковь стоит твердо по причине мира с царями, Бог попустил ей терпеть гонения тогда, когда она была меньше и, казалось, слабее; да познаешь из этого, что и нынешняя твердость ее зависит не от мира с царями, а от силы Божией». Так еще на заре православной государственности в Византии св. Иоанн Златоуст определял место монархии в церковной жизни. И этому взгляду великого отца Церкви старалась сохранить верность последующая святоотеческая богословская традиция Византии, несмотря на все безусловные исторические заслуги многих византийских государей перед Православной Церковью.

Просуществовавшая почти тысячу лет православная византийская монархия являлась уникальным опытом сосуществования древней европейской монархической государственности и непревзойденных по своему духовному вкладу в историю христианского мира Поместных Церквей православного Востока. Однако подобно ветхозаветной монархии власть византийских императоров не смогла в полной мере исполнить свою миссию «удерживающего» по отношению к враждебным Православной Церкви монархиям иноверного Востока, веками разрушавшим могущество Византийской империи. Ушедшая более 500 лет назад вместе с

Византийской империей в историческое прошлое, православная монархическая государственность византийского типа оказалась трудно воспроизводимой в последующей истории государств других православных народов

## МОСКВА КАК ВТОРОЙ ВАВИЛОН

Наиболее последовательно и продолжительно византийский опыт созидания православной монархической государственности в качестве обязательной составляющей жизни Православной Церкви имел место в истории России. Однако и в русской истории симфония государственной и церковной властей оставалась скорее идеалом, нежели реальностью, и чаемое русскими православными подвижниками Царство Небесное мало походило на созидавшееся русскими государями царство земное. Весьма драматично сложившиеся обстоятельства русской истории, включавшие в себя трехвековой период удальной раздробленности и двухвековое монгольское завоевание, не позволили сформироваться на Руси системе монархической государственности византийского типа в первые 500 лет после крещения Руси. Впрочем, именно на этот пятисотлетний период отсутствия на Руси власти православных самодержцев приходятся все святые русские государи, среди которых значительное место занимают князья-страстотерпцы, составляющие характерный именно для Русской Православной Церкви тип святости. Содержание подвига князей-страстотерпцев прежде всего составляет безвинная смерть, принимавшаяся подвижниками с христианским смирением, подчас без всякой связи с исполнением ими их государственных обязанностей. В почи-

тании именно такого рода подвижничества своих государей, начавшегося с первых прославленных в Русской Православной Церкви святых князей Бориса и Глеба, выразилось очень характерное для русского церковного сознания ощущение несовершенства царства земного по его природе, когда именно в отвержении себя от жизни, а значит, и от власти праведный государь прежде всего и может стяжать себе венец православного святого.

Лишь на рубеже XV-XVI веков в русской истории появляется первый коронованный по византийскому чину князь Дмитрий, внук Ивана III, которому так и не суждено было вступить на престол русского самодержца, как стали именовать себя великие московские князья во второй половине XV века. И только в 1547 году на русском троне оказался коронованный, хотя и не удостоившийся миропомазания царь Иван Грозный. Его противоречивое правление, исполненное блистательных побед и страшных преступлений, создавшее в русской истории прецедент пролития православным царем крови православных святых, как будто отразило в себе преимущественно теневые стороны византийской монархической государственности и сделало Москву более похожей на второй Вавилон, нежели на Третий Рим. Первый же миропомазанный на царство русский православный государь Федор Иоаннович лишь драматично завершил правление династии Рюриковичей и ознаменовал своей ранней кончиной начало страшных 15 лет Смутного времени, когда так и не состоявшаяся в России к XVII веку величественная византийская симфония царской и патриаршей властей, казалось, окончательно была заглушена зловащей холопско-боярской какофонией государей-самозванцев в лице Лжедмитрия I и государей-

временщиков в лице князя Василия Шуйского. Всегда смиренномудренно уклонявшаяся от блистательного и кровавого бремена государственной власти Церковь на этот раз в лице св. Патриарха Гермогена спасла российскую монархическую государственность и выстрадала мученической смертью своего первосвятителя Земский Собор 1613 года, избравший на царство юного Михаила Федоровича Романова. Исполненные великого смятения и потерявшие надежду на пребывавшую в разлуке государственную власть, члены Земского Собора попытались защитить юного царя и его потомков авторитетом власти церковной и, не будучи церковным Собором и не имея на то канонических прав, все же приняли грамоту с церковным отлучением всех, кто отречется от государей их новой династии.

## РУССКАЯ МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В период правления первых самодержцев из династии Романовых Русская Православная Церковь и русская монархическая государственность, казалось, как никогда близко подошли к воплощению идеала симфонии патриаршей и царской властей. Однако исполненный тяжелейших внешних испытаний и разносторонних внутренних противоречий XVII век не позволил даже одному из наиболее благочестивых русских государей, царю Алексею Михайловичу, надлежащим образом исполнить миссию «верховного ктитора» Церкви, спасшей монархическую государственность в России в годы Смутного времени. Самый выдающийся в XVII веке после св. Патриарха Гермогена первосвятитель Патриарх Никон был отправлен по воле царя Алексея Михайловича Большим Московским Собором



1666-1667 годов в заточение. Исправление богослужебных книг и обрядовая реформа переросли во многом благодаря вмешательству в церковную жизнь царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича в разрушительный старообрядческий раскол, когда впервые в русской истории кровавое гонение православной монархической власти обрушилось на поборников древнерусского православного благочестия.

Представляющийся сейчас периодом некоей церковно-государственной идиллии XVII век завершился правлением государя Петра Великого, который не только окончательно отказался от византийского идеала симфонии патриаршей и царской властей, но и дерзнул разрушить каноническое устройство высшего церковного управления, упразднив, как оказалось, более чем на 200 лет церковные соборы и патриаршество. Стремясь превратить русскую церковную иерархию в инструмент, послушный воле лишь царства земного, воплощенного в российском самодержце, Петр Великий законодательно подчинил Церковь самодержавным государям, несмотря на свое помазанничество на царство все же остававшимся мирянами. Впоследствии определив в Основных законах Российской империи место императора как «верховного защитника и хранителя догматов православной веры», синодальная система попыталась как будто окончательно перенести догматическую жизнь Церкви из царства Бога в царство кесаря.

Граничившие с кощунством коронации императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой, когда миропомазанных на царство государынь вводили царскими вратами в алтарь и причащали по царскому чину у св. Престола, лишь подчеркивали чуждость синодальной

системы не только литургической, но и канонической традициям Православной Церкви. Вошедшее в анналы истории Российского государства как «блистательный век» царствование Екатерины Великой в русской церковной истории стало периодом имущественного опустошения церковной иерархии, административного гонения на монастырское монашество, социального унижения православного духовенства и глубокой секуляризации русской духовной культуры.

Лишь открывшийся коротким, но благодетельным для Церкви царствованием императора Павла I XIX век оказался периодом медленного, подчас непоследовательного возвращения русской самодержавной монархии к исконным традициям православной монархической государственности. И все же омраченный двумя царубийствами и трудными поисками места Российской империи в секуляризовавшейся Европе XIX век не стал временем отрешения российских государей от соблазна оставаться защитниками и хранителями догматов православной веры. И только последний российский император Николай II, глубоко осознав духовную ложь синодальной системы подчинения царства Бога царству кесаря, предпринял впервые за 200 лет конкретные меры для восстановления в Русской Православной Церкви власти Поместного Собора и Патриарха, а значит, и для возрождения в русской государственной жизни реальной, а не формальной православной монархической власти. Необъятность задач, стоявших перед Россией в период царствования императора Николая II, когда социально-экономическая и общественно-политическая модернизация страны должна была сочетаться с сохранением традиционных устоев ее духовно-исторического бытия, не позво-

дила последнему самодержцу восстановить каноническое высшее церковное управление. И уже не при исполненном высоком личном благочестии государе Николае II, а при приверженном к безликому религиозному индифферентизму Временном правительстве Русской Православной Церкви удалось созвать Поместный Собор и в условиях начинавшейся Гражданской войны восстановить патриаршество.

## НОВАЯ СИМФОНИЯ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА

Завершившее 930-летнюю эпоху христианской государственности и 370-летний период церковно коронованной самодержавной власти в России царствование императора Николая II, принявшего со своей венценосной «малой церковью» страстотерпческую кончину, через подвиг страстотерпчества своих государей как будто напомнило русскому православному народу, что не в утверждении земного царства может приходиться в этот мир царство Небесное, что и через отречение от царской власти, и через отвержение от земной жизни может стяжаться венец церковной святости, венец Царства не от мира сего. Подобно своей предшественнице монархии византийской, монархия российская ушла в историческое прошлое, оставив своим бывшим подданным Православную Церковь, государственно не защищенную и богоборцами гонимую. Однако утверждавшая себя в человеческой истории не внешним покровительством многочисленных земных, хотя бы и православных государей, но благодатным попечением своего единственного Божественного Основателя Иисуса Христа Православная Церковь продолжает жить в мире, в котором уже нет, а возможно, и никогда

не будет ни одного православного монарха.

Из двух основных, известных еще с дохристианских времен форм государственной власти - монархии или республики - человечество в своем подавляющем большинстве предпочло республиканское государство. Конечно, республики новейшего времени во многом отличаются от античных демократий. Подавляющему большинству современных республиканских государственных деятелей уже не приходится в голову считать волеизъявление своих избирателей или постановления своих парламентов отзвуками гласа языческих богов или проявлением христианского Божественного Промысла. Тенденция к максимальной секуляризации государственной жизни вплоть до отделения в христианских странах Церкви от государства уже давно стала господствующим настроением мировой политической элиты. И если двухтысячелетний опыт Церкви во взаимоотношениях с оцерковляющимися монархиями определенно продемонстрировал невозможность даже для православных монархий исторически органично и канонически безупречно войти в полноту церковной жизни, тем меньше должно оставаться иллюзий относительно возможности оцерковления секуляризованных республиканских государств.

Русская Православная Церковь, подобно всем остальным Поместным Православным Церквам, должна осуществлять свое служение в настоящее время, имея дело с современным секуляризованным государством, по своим юридическим формам республиканским, по своему политическому содержанию в лучшем случае демократическим, а в худшем - тоталитарным, по своим духовным устремлениям в лучшем случае религиозно индифферентным, а в худшем - атеистическим. Как же совместить

эту современную реальную политику с распространенным в широких кругах церковной общественности предрассудком о том, что Православная Церковь может в полной мере осуществлять свое служение лишь в православном монархическом государстве, и с реальным историческим опытом церковной иерархии, испытавшей после падения православных монархий в различных странах в основном государственную политику скрытых гонений или открытых репрессий?

«Какую вредную подрывную работу при борьбе за престиж церкви и христианства, - писал выдающийся церковный историк и общественный деятель Антон Карташев, - производит те из христиан с непросвещенным сознанием, которые продолжают понимать задачи христианского государства в наше время как задачи возврата к исторически закономерно исчезнувшему строю старых патриархальных государств». Действительно, лишь прекращение «увязывания» церковной жизни с той или иной исторически преходящей формой организации государственной власти, в том числе и со столь привычной для христиан православной монархией, может позволить Церкви в современных условиях выйти из той общественно-политической резервации, в которой ее пытаются оставить как обращенные в безбожное будущее секуляризованные государственные деятели, так и обращенные к теократическим утопиям прошлого фундаменталистские круги церковной общественности.

Важнейшей тенденцией в деятельности еще только складывающегося в России современного правового государства наряду с секуляризацией всех сторон государственной жизни является стремление делегировать гражданскому обществу значительную

часть своих управленческих функций. Именно гражданское общество с развитой инфраструктурой своих многочисленных политических, благотворительных и просветительских организаций станет важнейшим субъектом исторической жизни XXI века. Поэтому именно в воспитании православно верующих и патриотически мыслящих членов этого гражданского общества должно заключаться основное направление миссионерско-просветительской деятельности Церкви в современном мире. «Мы... не можем не разделять искреннего плача православных русских сердец об утрате миропоманного защитника церкви, главы православного народа, - писал Карташев в своей замечательной книге "Воссоздание святой Руси". - Во всяком случае, нам не по пути с политиками, садистически забивающими колы в могилу православного царства. Но мы не впадаем и в апокалиптический пессимизм. Не останавливаемся на одной защитной позиции... Церковь не лишена средств для теократического влияния на жизнь. Она имеет для выполнения этой задачи новых союзников - силы общественности... Особенно ценно в этой новой симфонии Церкви с обществом то, что она сохраняет свою внешнюю и внутреннюю свободу - залог ее теократической силы. А наше время неотступно призывает Церковь к ее подлинно теократической интервенции в жгучие вопросы современности, со всей силой ее свободного от государственной зависимости авторитета».

НОВЫЙ АДРЕС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ И  
СЕКРЕТАРЯ ПРАВЛЕНИЯ:  
Gleb u. Sophie Rahr  
Im Jägerfeld 36  
85399 Hallbergmoos

# РОССИЯ ОБЯЗАНА СОХРАНИТЬ СВОЙ ЯДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

С 7 по 9 марта 2000 года в городе Сарове Нижегородской области и 10 марта в Москве Всемирный Русский Народный Собор и Российский Федеральный Ядерный Центр РФЯЦ-ВНИИЭФ [Всероссийский научно-исследовательский институт элементарной физики - Ред.] проводили научно-практическую конференцию "Проблемы взаимодействия Русской Православной Церкви и ведущих научных центров России". Как было сказано в пресс-релизе, "задача конференции - проанализировать сегодняшний опыт взаимодействия ученых и инженеров с Церковью, способствовать формированию церковной позиции по отношению к острым современным проблемам развития науки и техники, выдвинуть конкретные предложения по сотрудничеству научно-технической общественности и Церкви".

В Саров съехались ученые - физики, биологи, геологи, медики, химики, историки, гуманитарии, представители духовенства. Большую роль в подготовке конференции сыграл директор РФЯЦ-ВНИИЭФ Р.И.Илькаев, незадолго до этого избранный сопредседателем Всемирного Русского Народного Собора. Участников благословил митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай.

Организаторы огласили приветственное послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Работа была организована по секциям:

1. Позиция Русской Православной Церкви по отношению к развитию науки и техники.

2. Церковное попечение о деятельности ученых и инженеров и подготовка священства к этому служению.

3. Проблемы организации церковной жизни в крупных научных центрах.

4. Деятельность Церкви в среде научной молодежи и студенчества.

5. Нравственные проблемы; встающие перед разработчиками современных вооружений и технологий.

Заключительные документы принимались 10 марта в Москве. Их значение в наше время трудно переоценить. Однако, неизбежно "за кадром" остается сама дискуссия, живой дух поиска общего соборного решения. Деятельность конференции в полном объеме, конечно, невозможно охватить одной журнальной публикацией. Мы предлагаем фрагменты обсуждения темы «Нравственные проблемы, встающие перед разработчиками современных вооружений и тех-

нологий» - преимущественно ядерно-физического ее аспекта, хотя обсуждение касалось и биологии, психологии, медицины - всех областей, где технологии подошли в своем развитии к черте, у которой морально-духовное вопрошание начинает пересиливать чисто научное и за которой научный поиск без морально-духовной санкции однозначно становится злом.

Вести заседания секции единодушно было предложено доктору медицинских наук, профессору кафедры внутренних болезней №1 лечебного факультета Московской медицинской академии имени И.М.Сеченова, председателю Московского общества православных врачей, сопредседателю Церковно-общественного совета по биомедицинской этике при Московской Патриархии Александру Викторовичу Недоступу.

**Александр Недоступ.** Кроме физиков-ядерщиков - их, разумеется, большинство, - мы видим здесь биологов, медиков, гуманитариев, геологов, химиков, педагогов, историков. Присутствуют и жители Сарова, которым безразлично то, о чем будет говорить и которых мы благодарим за проявленное к нашей работе внимание. Ведь проблема Ядерного Центра - это проблема не только ядерного оружия, но и города, и людей, в нем живущих. Один из крупнейших научных центров России расположен на земле, священной для каждого православного. Знаменательно и глубоко символично, что мы собрались именно здесь.

**Владислав Николаевич Мохов,** профессор, доктор физико-математических наук, заместитель научного руководителя ВНИИЭФ, начальник отдела перспективных разработок. Для нас, оружейников-ядерщиков, обсуждаемая тема особенно актуальна. Актуальна не столько в профессиональном,

научном отношении, сколько именно в духовно-нравственном. Мало кто представляет всю меру болезненности и остроты проблем, стоящих сегодня перед нашей совестью. С начала горбачевской перестройки практически все СМИ [средства массовой информации - Ред.] не перестают твердить, что ядерным оружием заниматься грешно и аморально, что мы у себя в лабораториях и цехах творим едва ли не преступление. Нас призывали и призывают каяться, как в самом деле злейших преступников. Без конца лгали и лгут, что мы уже и каемся - по крайней мере, многие из нас. Можно по-разному относиться к академику Сахарову, но то, что он раскаялся в совершенном им здесь, - ложь от начала до конца. Нигде в прижизненных публикациях вы не найдете его самоосуждения на этот счет; опубликованное же после смерти - известно кем публиковалось и редактировалось... Там не менее совесть ученых-ядерщиков подвергается в последнее десятилетие тяжелому испытанию. Мы чувствуем со стороны общества по отношению к себе всё большую настороженность, даже известное отторжение. Молодежь перестает приходить к нам в Ядерный Центр. Те же, кто приходит, отказываются заниматься ядерным оружием. Наша деятельность в общественном сознании под натиском СМИ начинает утрачивать главное - морально-нравственное оправдание. Согласитесь, это тягостно ощущать. А ведь нам есть что сказать в ответ, нам есть, чем оправдаться! Однако, нас не слушают, наше мнение замалчивают - упорно, целенаправленно. И мы рады, что проводится такая конференция. Надеюсь, наше слово в итоге будет услышано.

**Протоиерей Дмитрий Смирнов,** проректор Свято-Тихоновского богословского института, декан факультета Ракет-

ной академии имени Петра Великого. Я выскажусь по поводу ядерного оружия, его приемлемости или неприемлемости, сразу и совершенно определенно: ядерное оружие, конечно, предмет повышенной опасности. Но вот автомобиль, к примеру, - тоже предмет повышенной опасности. Что ж, прикажете отказаться от автомобиля? Ядерное оружие - наиболее эффективное и дешевое оружие. Кроме того, оно и самое наукоёмкое, то есть соответствующие разработки дают чрезвычайно много полезного всему нашему народному хозяйству. Вот, собственно, и всё. Другое дело - почему у нас возникают подобные проблемы. Мы, русские, всегда испытывали определенный шик в отношении к Западу. В частности, этим страдал Петр I, прорубая окно в Европу с мыслью, что у них там всё хорошо, а у нас всё плохо. Сколько мы тратили сил, чтобы «догнать Европу»? Пусть и не без пользы, конечно. В системе европейской цивилизации Россия достигла очень многого, во многом Европу превзошла. Однако в смысле духовном мы несли и несем ощутимые потери.

*Александр Недоступ.* Позвольте мне короткую реплику. Кампания против ядерного оружия была развязана либерально настроенной частью общества, усвоившей как раз те европейские идеи, которые наносят нам духовные потери. Это международная разрушительная акция, направленная на подрыв ядерной безопасности России...

*Протоиерей Дмитрий Смирнов.* ... и являющаяся по сути посягательством на наши границы, потому что ядерное оружие выполняет роль границы... Так вот, Европа для России всегда являлась соблазном. Ее культура, в том числе наука и техника, обладала соблазнительной красотой - при

том, что религиозно Европа - в лице католицизма и протестантизма - отступила от учения древней неразделенной Церкви и, следовательно, идущие оттуда идеи несли заряд чуждой России идеологии, которую русский человек невольно впитывал вместе с заимствуемыми даже вроде бы нейтральными научно-техническими достижениями. Это постепенно разрушало наше православное сознание. Всё, что с нами случилось, - результат восприятия чуждой духовности. И наши комплексы по поводу ядерного оружия - отсюда же. Мы должны как можно скорее преодолеть внушенную нам зависимость от «международного общественного мнения» - только тогда мы станем действительно свободными. И требуется прежде всего то, что для русского человека является очевидной несурразицей, - несурразицей и объявить: демократия, правовое государство, общечеловеческие ценности, равноправие мужчины и женщины, равноправие сексуальных меньшинств... Что такое, к примеру, правовое государство? Это когда за большие деньги можно нанять адвоката и всех заставить признать, что черное - это белое. Неужели адвокаты - поборники правды и справедливости? Разве мы не видим, как за деньги они готовы отстаивать любую ложь?.. Мы сердцем знаем, что всё это вздор, что всё это не наше, а просто навязано нам. Вот и надо начать жить по своему желанию и разумению. Что хотим сеять - то и сеять. Сколько хотим иметь атомных бомб - столько их и иметь.

*Владислав Мохов.* Полностью с Вами согласен. В смысле терминологии мы не должны принимать чужие правила. Да, термины «демократия», «права человека» и так далее - это сбивающие с толку химеры. Так почему же мы ими пользуемся, тем

самым давая химерам полноценную жизнь? Почему оппозиция чуть что поднимает крик о «нарушении прав человека» и «угрозе демократии», становясь на одну доску со своими противниками? Для нас американская демократия означает финансово-полицейское государство - именно в таком смысле и следует ее определять. Свобода - это возможность не только жить, но и мыслить, и выражаться по своему разумению.

*Леонид Иванович Куриленко, заместитель директора завода «Авангард» (Саров).* О свободе мы должны не только рассуждать, но и деятельно к ней стремиться. Хватит сетовать, что мы теряем свое национальное лицо, что мы на краю гибели, - это и так всем известно. Мы наблюдаем агрессивные, нахрапистые действия против нас со стороны Запада и его пятой колонны внутри страны - и по существу ничего этому не противопоставляем: только философствуем, констатируем, негодуем... Пора во имя спасения православия, русской нации, России определиться и действовать с той же агрессивностью. Иначе лет через 10-15 и действовать будет некому. Агитация должна быть исключительно конкретной. Пример: американцы бомбят Югославию. Почти все негодуют, и следом же почти все идут в «Мак-дональдс». Почему не стать у дверей и не сказать людям, что они хоть в малой степени финансируют столь возмутительную их бомбежку братской страны? Уверен, кое у кого американский бутерброд застрянет в горле. Мелочь? А разве сейчас время гнушаться «мелочами»?

*Наталья Константиновна Персидская, пенсионерка, бывшая работница ВНИИЭФ (присутствовала в качестве слушательницы).* Я человек простой, не ученый, но я человек православный и очень

заинтересована в том, о чем только что было сказано, - о конкретной агитации. Пусть не сочтут мои слова отступлением от темы: здесь я вижу и медиков, и специалистов в области биомедицинской этики, - они меня поймут. Года два назад мы, православные Сарова, по благословению нашего батюшки попытались развернуть агитацию против абортотворения и программ «безопасного секса» - ходили по школам, беседовали с ученицами девятых-десятых классов о греховности абортов, о нравственной ответственности будущей матери, о счастье материнства, о семейном счастье... Что ж вы думаете? Мы успели проработать всего полтора месяца. Нашу деятельность запретили в административном порядке, причем по представлению медицинских работников. Значит, аборты и контрацептивы с точки зрения медиков - хорошо, а рождение детей, материнство - плохо? Зато пригласили к нам в Саров американских врачей. Узнав про нашу агитацию, они сказали: У вас проблема с абортами? Мы вам поможем. И предложили... стерилизацию! Мы опять попробовали протестовать - и опять нам заткнули рты: дескать, срываете программу международного сотрудничества. Делали это педагоги и врачи, которые фактически ориентируют детей на блуд!

*Реплика непредставившейся слушательницы:* Никакого нет спасения! И в школе, и в детском садике даже. Нас, православных, не так уж и мало в Сарове. Мы не хотим, чтобы наших детей растлевали. Попросили, чтобы в детском саду для них организовали отдельную группу с православными нянечкой и воспитательницей, готовы были всячески помогать - так нам не просто отказали, а с криком...

*Александр Недоступ.* Желая лишить Россию ядерного оружия, проповедают амо-

ральность ядерных технологий. Но зато, как мы видели, технологии разращения, разрушения психического здоровья, технологии клонирования, фетальной терапии и тому подобное - это морально и нравственно... Здесь всё ясно. Будем продолжать. Наши неверующие оппоненты не устают твердить: в священных христианских книгах сказано: не убий, а вы защищаете орудие убийства и его создателей.

*Протоиерей Дмитрий Смирнов.* Дало в том, что они - демагоги, наперсточники, люди двойного стандарта. Мы уже видели, как пагубно-обманчива их терминология - «демократия», «правовое государство» и прочее. То же с терминами «война» и «оружие». Нас упрекают в нарушении заповеди «не убий». Но война для русского, православного человека не есть убийство! Он идет на войну не убивать, а умирать, жертвовать жизнью за свою родину, за свой народ. Одно и то же действие может иметь совершенно противоположные мотивы и тем самым представлять совершенно противоположные деяния. Если я беру со стола свою собственную вещь и кладу в карман - это одно. Но если я беру и кладу в карман чужую вещь - это совсем другое: тут уже воровство. И одно дело, когда на курок нажимает наемный убийца или грабитель, и совершенно другое, когда это делает солдат, защищающий родину. Да, на войне убивают. Но это - вынужденная мера. До революции солдат, пришедший с войны, на год отлучался от причастия - постился и молился. Что касается упомянутых оппонентов, - с ними спорить бессмысленно: белое они будут называть черным до конца. Мы говорим: война - не убийство, русские войны никогда не были убийствами, а оружейники - создателями орудий убийства. Иначе и Александра Невского можно запи-

сать в убийцы. Пусть это кому-то не нравится, - ничего. Не надо стоять по стойке «смирно» и пытаться что-то доказать людям, которым мы никогда не понравимся. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», - вот что в итоге они скажут. Надо, повторяю, идти своим путем, надо стать действительно свободными и делать то, что диктует нам наша совесть и наше миропонимание. Только так найдут разрешение и морально-нравственные вопрошания наших ученых.

*Павел Васильевич Флоренский, профессор Государственной академии нефти и газа имени И.М.Губкина.* О неизбежности, закономерности, и логичности появления атомной бомбы мне приходилось говорить не раз. Это законный результат эволюции вещества. Простейшее вещество, базальты, дает осадочные породы - глины, песчаники, граниты; с зарождением жизни появляются соли, кварцы. В биомассе процессы еще сложнее: человек своей деятельностью выделил не встречающиеся в природе в чистом виде железо, алюминий и так далее. В том числе - чистый уран. Создание его критической массы было неизбежно. Так что вопрос: делать ядерное оружие или не делать, - вопрос риторический, вроде как стареть - не стареть. Хорошо или плохо - атомная бомба? Подобную псевдодилемму нам очень старательно, с дальним прицелом навязывают те самые наперсточники. Мы категорически возражаем против такой постановки вопроса. Важен другой вопрос: в чьих руках бомба находится. Сама по себе она - железка. Железка не может быть хорошей или плохой. Бывают руки хорошие или плохие - вот этого наперсточники и слышать не хотят. Американцы, мстя за Перл-Харбор, два японских города смели с лица земли...



**Владислав Мохов.** А от нашего ядерного оружия в мире не умер ни один человек! Более того, будучи сдерживающим фактором, оно превращается в свою противоположность: из оружия уничтожения становится инструментом спасения...

**Павел Флоренский.** Вот именно! Но «гуманисты» во всем мире предпочитают всех грести под одну гребенку, говорить о ядерном оружии вообще. Не о людях, варварски применивших атомную бомбу, а о бомбе как таковой. Американская бомба - да, на ней лежит проклятие. А наша бомба - прав Владислав Николаевич - не убивала и, главное, не давала убивать тем, кто, как сейчас известно, был готов это сделать. Разве не существовало у Америки плана ядерных бомбардировок СССР после войны? И разве не исполнились бы эти планы, не создай мы ядерный щит? Не надо путать бомбу, созданную на святой саровской земле (я глубоко убежден в наличии здесь важнейшего знаменья) с изделием лаборатории в Лос-Аламосе. Нас хотят заставить забыть эту разницу. Но именно она и есть наиболее существенное в рассматриваемом вопросе. Мы поддерживаем равновесие в мире, которое на одном «гуманизме» утвердить было нельзя. И отказаться от своего ядерного оружия как от «антигуманного» значит - отречься от одной из главных своих обязанностей перед человечеством. Я бы сказал - отречься от самих себя.

**Андрей Владимирович Анисин,** химик, научный сотрудник теоретического подразделения РФЯЦ-ВНИИЭФ. Я все-таки думаю, что дискуссия наша стоит на месте. Она стоит на месте, впрочем, уже не один год. Рассматривая проблему этики, мы по большей части приводим аргументы профессиональные, технологические, идеологические, геополитические - то есть какие угод-

но, кроме собственно этических. Мы оперируем сиюминутностью. С точки же зрения вечности, то есть этики, признаем: ответа на вопрос у нас так и нет.

**Владислав Мохов.** А почему ту же геополитику Вы полагаете лишенной глубочайшего этического содержания? Россия противостоит в мире совершенно определенным силам, и противостояние это не просто военно-политическое или идеологическое, но прежде всего духовное. Россия выполняла и выполняет в мире совершенно определенную этическую миссию. Ядерное оружие есть один из неотъемлемых факторов именно духовно-этического противостояния. Тем самым любой аргумент «за» или «против» приобретает здесь этическое содержание.

Главной целью создания нами атомной бомбы было - ликвидировать ядерную монополию США. Только ли нам это было нужно? Нет, весь остальной мир в страхе желал этого. Я приехал в Саров (Арзамас-16), когда здесь работали Сахаров, Зельдович, Харитон - и все они были проникнуты именно таким убеждением. Разве это не этическая позиция? Более того, ни один из них не раскаялся в содеянном (о джи насчет раскаяния Сахарова, о том, что все посмертные его издания - подделка, я уже говорил). Напомню сложившуюся тогда ситуацию. Американцы, получив ядерное оружие, определили, что мы создадим свое не ранее, чем через десять лет. Больше всего на свете американцы боялись, что в руках у Сталина появится атомная бомба. И ни у кого не было сомнений: как только мы, по расчетам американцев, приблизимся к заветному рубежу - на СССР посыпятся атомные бомбы. Вспомним, что американцы сделали с Ираком только потому, что заподозрили Саддама Хусейна в обладании ядерными

технологиями (захват Кувейта - всего лишь предлог). В нашем случае американцы просто ошиблись в сроках. Вернее, мы заставили их ошибиться, сделав бомбу не за десять лет, а за три года. И спасли мир от ядерного кошмара. Россию уж точно спасли. Нас обвиняют еще и в том, что мы стремимся не просто иметь ядерное оружие, а в доктрине своей ставим целью выиграть ядерную войну, буде она развязана. Но это же тоже - передергивание. Существует два вида военной стратегии - агрессивная и оборонительная. Агрессивная - вовсе не значит настрой только на нападение, а оборонительная - только на пассивное сопротивление. Агрессивная стратегия говорит: если я уверен, что выиграю, я обязательно нападу, если не уверен - не нападу. Такова была стратегия Германии в начале века, такова сегодня стратегия США. Оборонительная стратегия - а ее всегда придерживалась наша страна - предполагает следующее: на тебя напали - следовательно, выход один: чтобы спастись, придется побеждать! Даже здесь мы видим, что ядерное оружие США и наше - вещи разные. И с этой точки зрения наше ядерное оружие - нравственно.

*Леонид Куриленко.* Что ж, мы почти единодушны: работы по созданию ядерного оружия в той обстановке, которая складывалась в XX веке и которая продолжает сохраняться и даже усугубляться, - необходимы, моральны и нравственны. Скажем же и о том, что здесь безнравственно. Безнравственно здесь то, что под давлением американцев мы начинаем отказываться от разработок в области улучшения и совершенствования своего ядерного щита, продавать уникальные технологии. Вот это неэтично - в одностороннем порядке сдавать свои позиции.

*Виктор Степанович Нефедов, кандидат физико-математических наук, заместитель начальника отделения (ВНИИЭФ).* Стоит привести еще один аргумент в пользу моральной оправданности нашей деятельности. Его послышки не новы, я их просто кратко напомню. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», - так, совершенно справедливо, охарактеризовал отношение к нам в мире отец Дмитрий Смирнов. Мы - богатейшая страна в смысле ресурсов, на которые зарятся все. Но у нас огромная территория, суровый климат. По меркам мирового правительства не только производство, сама жизнь здесь не может быть рентабельна. Мы способны выжить только в условиях полной консолидации: работают все на всех, заботятся все обо всех. Недопустимо формирование крупных личных богатств, то есть изымание общих ресурсов ради превращения их в деньги, которые из России неизбежно будут уплывать. Все это подразумевает наличие сильного государства, имперского строя с элементами того, что называлось социализмом. Совершенно ясно, что такими мы никому нравиться не будем, что мы обречены вечно стоять поперек горла «мировому правительству». Это будет усугубляться еще и тем, что Россия останется средоточием мировой духовности и оплотом тех, кто не желает покориться бездуховности «нового мирового порядка». Я бы сказал еще - и оплотом истинной учености (тут даже собственно производство - не главное). Так что спор о моральности или аморальности ядерного оружия (иными словами, о том, должны или не должны мы защищать Россию) - нонсенс. Нам так и нужно записать в своем решении: считать моральной и нравственной работу по созданию и совершенствованию ядерного оружия для своего народа и

аморальным и безнравственным - отказ от этого перед лицом антироссийской экспансии.

**Владислав Мохов.** В заключение позволю себе предложить ряд формулировок и констатаций, которые, как мне кажется, прямо вытекают из того, что здесь прозвучало. Уже довольно давно и все настойчивее мировой закулисой внедряется в умы концепция безъядерного мира. Аргументом выставляется то, что если все страны откажутся от ядерного оружия, наступит спокойствие и безопасность. Это - абсурд. Спокойствия не прибавится, ибо весь мир будет дрожать от страха, что какая-нибудь страна или просто группа террористов все же изготовит ядерное оружие и начнет шантажировать человечество. Творцы концепции безъядерного мира прекрасно это учли. Чтобы исключить страх, они предлагают единственно возможное тут средство - тотальный и беспрекословный международный контроль, что, в свою очередь, будет предполагать практически полный отказ государств от национального суверенитета. Чего «мировое правительство» и добивается. Далее. При условии реализации концепции США - лидер в области безъядерного оружия массового уничтожения - окажутся наконец единственным вершителем судеб человечества. Сейчас особенно ясно: США - это главный мировой агрессор, уже даже и не скрывающий своего стремления к глобальному господству. Таким образом, наше оружие - действительно оружие сдерживания. Поэтому мы должны осудить концепцию безъядерного мира как ведущую к порабощению человечества одной страной -

США и установлению жестоко нивелирующего страны и народы «нового мирового порядка».

Другая важнейшая проблема - запрет на ядерные испытания. США, хотя не проводят их, находятся в полнейшей готовности к этому и не скрывают, что если того потребует их безопасность, готовность будет реализована. Поэтому, нам ни в коем случае нельзя отказываться от ядерных испытаний. Это повлечет очень быструю стагнацию и крах ядерной отрасли. Здесь нельзя стоять на месте, - надо идти вперед. Ядерные испытания нужны вовсе не только для создания все более разрушительных видов бомб. Без них невозможно держать на вооружении уже существующие. Ядерное оружие отличается тем, что, даже находясь на вооружении, остается во многом непредсказуемым, непонятным. Его ведь не применяют. Что оно несет в себе - приходится узнавать постепенно, - и только путем испытаний. Разговоры об опасности последних - очередной миф радетелей доктрины безъядерного мира. Мы достигли возможности взрывать под землей любые заряды, полностью исключив радиоактивные выбросы на поверхность.

И последнее. Из всего сказанного также вытекает: мы должны считать недопустимой ратификацию договора СНВ-2 как абсолютно несимметричного, дающего США огромные односторонние преимущества и вплотную приближающие их заветную мечту - безраздельную власть над миром. Россия обязана сохранить свой ядерный потенциал - не только ради себя, но и ради всего человечества.

БАНКОВСКИЙ СЧЕТ ДЛЯ УПЛАТЫ ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ: Bratstvo - Mitgliedsbeitrag  
Konto 89 150 705 00, Bankleitzahl (BLZ) 700 800 00  
Dresdner Bank AG, Filiale Neufahrn

## ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА МИТРОПОЛИТА СМОЛЕНСКОГО И КАЛИНИНГРАДСКОГО КИРИЛЛА НА ВСТРЕЧЕ С ДЕЛЕГАТАМИ КОНГРЕССА ПРАВОСЛАВНОЙ ПРЕССЫ

Факт проведения Конгресса православной прессы представляется делом чрезвычайно важным и своевременным. Ибо случилось так, что к моменту обретения Церковью долгожданного освобождения ее внутреннее состояние, ее ресурсы не позволили в полной мере воспользоваться открывшимися новыми возможностями, в частности, своевременно создать и развить систему церковных средств массовой информации. Тому есть много причин, но в первую очередь, конечно, это результат того, что в продолжение долгих десятилетий понятие церковной прессы сводилось к единственному и труднодоступному «Журналу Московской Патриархии». Кроме того, у людей Церкви не было необходимых профессиональных навыков, не было собственных специалистов, не было, наконец, материальной базы и финансовых возможностей для ведения такой работы. Однако совершенно очевидно, что ныне нет уже никаких оснований сетовать на отсутствие у Русской Православной Церкви своей прессы. Существует разветвленная сеть епархиальных изданий, общецерковных газет и журналов. Наконец, появились и светские издания, тяготеющие к освещению, с той или иной позиции, событий, происходящих в лоне нашей Церкви, в других религиозных организациях России.

Прежде, чем говорить о прессе, хотел бы сказать о человеке читающем. Полагаю, в наши дни главная задача состоит не только в улучшении количественных и качественных параметров системы православной прессы, но и в развитии потребности общества в регулярном ознакомлении с работами журналистов, пишущих на темы церковной жизни, воспитании традиции постоянного чтения церковных изданий.

Об актуальности для нас этой проблемы можно судить уже по тому, что нынешний тираж ведущего официального издания Русской Православной Церкви - «Журнала Московской Патриархии» - в несколько раз ниже, чем в советские времена, когда журнал выходил в свет тиражом двадцать пять тысяч экземпляров и расходился в мгновение ока. Тогда в приходе оформлялась подписка сразу на несколько экземпляров, а была бы возможность, с радостью выписывали бы еще больше. В наши дни приходится с прискорбием констатировать, что число приходов нашей Церкви значительно превышает цифру тиража «Журнала Московской Патриархии». То же положение и с епархиальными изданиями.

Могут сказать: церковные издания плохо распространяются потому, что они неинтересны. Но разве может быть неинтересно духовенству и верующим то, чем живет

Церковь, разве могут не иметь для них важнейшего значения определения Священного Синода и Архиерейских Соборов, заявления и послания Священноначалия по наиболее острым вопросам церковной и общественной жизни, богословские статьи?

Совершенно очевидно, что, быть может, не всегда достаточно высок уровень некоторых публикаций. Однако, что означает понятие высокого или невысокого уровня применительно к изданию, адресованному всему народу Божию: ученым богословам и простецам, клирикам и мирянам, людям опытным в духовном делании и новоначальным христианам. В этой ситуации всегда найдутся как те, для кого предлагаемый уровень окажется слишком высок, так и те, для кого он будет недостаточен. Подобное противоречие заложено в самой природе изданий, не дифференцирующих свою аудиторию. Но их неоспоримое преимущество перед более специализированными изданиями состоит в том, что именно они осуществляют великую коммуникативную миссию внутри Церкви. А между тем именно эти издания не доходят до своего читателя.

Как пробудить у православного народа и общества в целом интерес к чтению церковной прессы? Может быть, причина малого интереса еще и в том, что электронные средства массовой информации переключили на себя внимание той части человечества, которая прежде именовалась читающей публикой, а ныне капитулировала перед «картинками» телевидения? Не секрет, что визуальная информация воспринимается много проще, чем чтение, особенно когда речь идет о трудных текстах. В первом случае это вариант потребления, во втором — интеллектуальный труд. С этим необходимо считаться, однако я убежден в том, что без развития церковной прессы, без возрастания

ее роли в среде церковной общественности и церковном народе в целом нам не удастся совершить много из того, к чему мы призваны в нынешние времена.

Кризис общественного интереса к печатному слову носит системный характер, он не относится только и исключительно к церковной прессе. Воистину достойно удивления, что Советский Союз с его духовной несвободой был самой читающей страной в мире, тогда как современная Россия в этом отношении оказалась отброшена далеко назад. К сожалению, в церковной ограде происходят аналогичные процессы. В итоге влияние православной прессы на широкие массы верующих явно недостаточно. А между тем в жизни Церкви накопилось множество нерешенных проблем; назрела серьезная общецерковная дискуссия по многим вопросам. Именно православная пресса должна была бы стать важным фактором в формулировании, постановке и поиске общецерковного решения этих вопросов.

Читая дореволюционные церковные журналы, поражаешься серьезности и важности поднимавшихся тогда проблем, уграченному ныне уровню ведения дискуссий. По должности и по собственному интересу мне нередко приходится обращаться к церковной истории начала века, в частности, к обетоятельствам, связанным с созывом Предсоборного присутствия 1917 года. Как вызревала и определялась в лоне Церкви тематика будущих обсуждений на Предсоборном присутствии? Каким был механизм инициирования, формулирования, утверждения вопросов? Какова была методология информирования церковной общественности и получения ее откликов? Отвечая на все эти вопросы, невозможно обойти вниманием роль церковной прессы. Прежде всего, речь идет о журналах Духовных Академий, из-

даниях Синода, однако и епархиальные издания были тогда на очень высоком уровне. Именно они чутко улавливали, подхватывали и распространяли среди церковной общественности импульсы, исходившие из духовно-интеллектуальных центров, именно они становились местом проведения широкой общецерковной дискуссии, и потому не в последнюю очередь именно благодаря их усилиям в конечном итоге и было создано Предсоборное присутствие. Весь комплекс проблем, пребывавших под спудом и тревоживших сознание церковного народа, был сформулирован и явлен перед лицом верующих Предсоборным присутствием, трансформировавшись затем в конкретные идеи и предложения, переданные на Собор и им в большинстве случаев принятые. Когда нас порой упрекают в том, что нормы Поместного Собора 1917-1918 годов не осуществляются в жизни современной Церкви, я отвечаю критикам: почитайте русскую церковную прессу начала века, а потом сравните ее с нынешней. Перед вами окажутся несопоставимые исторические реальности: жизнь Русской Церкви в начале века и сейчас. Уровень общественного сознания церковного народа в начале века и теперь различаются кардинально. В итоге то, что было живым и органичным для тогдашнего церковного сознания, обстоятельств времени и образа жизни, а потому естественно вошло в состав положений Собора 1917-1918 годов, в нынешней России может выглядеть диссонансом с реальностью. Поэтому, ни в коей мере не отрицаясь от наследия Собора 1917-1918 годов, но и не водружая его на пьедестал некоего абсолютного идеала церковного устройства, следует стремиться к тому, чтобы общецерковное сознание готовилось к восприятию назревших идей.

Здесь с неизбежностью возникает вопрос о том, что без целенаправленных усилий по развитию церковной прессы ничего этого не будет. Не будет ничего и в том случае, если церковная пресса окажется невостребованной верующим народом, если она посвятит себя обслуживанию частных интересов или если станет голосом околицерковных маргиналов. Поэтому главная проблема, над которой надлежит размышлять всем нам, состоит в том, как стимулировать среди народа церковного интерес к чтению наших изданий.

При этом православные запоем читают всё, что касается пришествия антихриста, наступления последних времен, близости Страшного суда, конца истории. Мы озабочены эсхатологической проблематикой, наше воображение занимают обстоятельства конца света, но насколько реже задумываемся мы над неизбежностью собственной кончины, которая может приключиться в любой момент. Но нет, столь обыденная вещь нас не тревожит, наше попечение обращено не менее, чем на весь род людской. Какую питательную пищу для страхов и суеверий обещает вступление человечества в XXI век! На недавнем заседании Священного Синода Святейший Патриарх Алексий рассказал, что некоторые монахи Спасо-Преображенского Валаамского монастыря говорили: «Зачем нам делать ремонт? Не нужно ничего этого! И храмы восстанавливать не надо. Вообще ничего не надо! Конец света при дверях - о душе надо думать, спастись и молиться!». С последним Его Святейшество согласился, но уточнил: «А когда после молитвы вы в трапезную приходите, то пищу вкушаете, или так сидите? А ведь хлеб насущный надо вырастить и изготовить. Но если все сейчас уйдут в затвор и станут ждать конца

света, как же с трапезой-то тогда быть?». Болезненный интерес к подобного рода проблемам, безусловно, свидетельствует о некоем духовном беспокойстве церковного народа, о некоей духовной неустойчивости, об известной подверженности духовному соблазну.

Порой в средствах церковной или околоцерковной информации мы встречаемся с самой настоящей истерией по поводу проблемы ересей. Казалось бы, вопрос ставится своевременный и важный: как сохранить Православную веру неповрежденной перед лицом сонма лжеучений, соблазнов, глоторного вторжения «века сего». Однако не оставляет ощущение, что это доброе по своим целям дело осуществляется иногда весьма странным образом. Это уже не защита нашего Предания, а какое-то кликушество. К тому же борьба за чистоту Православия порой почему-то включает в себя весь набор безнравственных средств, к которым прибегают журналисты светской прессы, отрабатывая заказ своих хозяев: презумпция виновности «заказанного» человека, измышление компромата против него, игнорирование аргументов противной стороны и — непременно — личные оскорбления. Причем всё это обрушивается не на злонамеренного сектанта, а нередко на православных людей, взявших на себя смелость отстаивать позиции, которые не устраивают отдельных богословов или группы лиц. Чаще всего речь идет о так называемых «новых» проблемах, по которым до сих пор нет общецерковного, а значит, и общеобязательного мнения. Неужели это и есть защита Православия? Разве во имя утверждения нашей веры обязательно выносить приговор тем, с кем мы не согласны, в предательстве Церкви, в вероотступничестве,

в ереси? Или чем более бездоказательны и огульны наши обвинения, тем лучше мы защищаем Православие? Я постоянно задаю себе вопрос: что это за явление, откуда оно пришло, чтобы утвердиться в нашей жизни, в чем причина его востребованности?

Чаще всего роль наиболее непримиримых воителей за чистоту Православия присваивают себе люди, еще вчера пребывавшие вне ограды Церкви. Это вчерашние атеисты, нередко комсомольские работники. Слава Господу, просветившему их помраченный разум. Однако совершить такой поворот от безбожия к истинной вере способен только внутренне сильный, упорный, целеустремленный человек. Чаще всего подобный жизненный выбор делают вполне осознанно, хотя, конечно, существует в наше время и своего рода конъюнктура в этих вопросах. И если впоследствии новообращенный избирает в качестве своего служения стезю церковной журналистики, то вполне очевидно, что этот крутой поворот судьбы был для него решением выношенным. Но что происходит далее? Человек, бывший до своего обращения неверующим, имевший вполне языческие понятия о допустимости блуда, прелюбодеяния, винопития и прочее, вдруг прилепляется к Церкви. Но это означает необходимость изменения привычного образа жизни, постоянную духовную работу, брань против собственных страстей. Иными словами, человеку предстоит совершить подвиг внутреннего преображения. А сил на это не хватает, преображения не происходит, хотя чисто внешняя церковность присутствует. В душе человека начинает расти беспокойство, ибо такая ситуация испытывает его на разрыв. И вот ему предлагается решение, снимающее все

противоречия: защищать Православие от внешнего врага. Борьба с собственными «страстями и похотями» может подождать, когда речь идет о битве за торжество истинной веры. Все силы духовные, вся внутренняя энергия отныне обращаются на борьбу со вселенским злом. А уж сверх того привносится всё, чем богата наша натура: и оголтелость, и напор, и невысокий культурный уровень, и бытовое хамство. Чем менее преуспел человек в борьбе с самим собой, тем сильнее будет его натиск, обращенный вовне. Наверняка могут существовать и другие поведенческие модели. Например, из нашего общества никуда не исчезли силы, ненавидящие Церковь и боящиеся ее авторитета и влияния. Эти силы обладают необходимыми финансовыми средствами и хорошо организованы. Я отнюдь не исключаю, что иные из наших бескомпромиссных воителей, готовые защищать Русское Православие вплоть до раскола церковного единства, действуют не без внушения антицерковных сил. Нынешний уровень полемики по вопросам внутрицерковной жизни нередко достоин всяческого сожаления. Он - порождение прошлого и в прошлое должен рано или поздно кануть, где память его «погибнет с пумом». Ибо то, о чем мы говорим, суть признаки нездоровья всего общества, а когда болезнь с Божией помощью исцелится, пройдут и сопутствующие ей явления.

Итак, церковная пресса не вправе обращаться к средствам, которые противны Духу Церкви. Церковная пресса не может также опираться на аргументы и мотивацию, которые выходят за рамки системы нравственных ценностей христианства. Если вы видите статью, автор которой демонстрирует заботу о чистоте Православия, но при этом прибегает к недо-

стойным приемам современной светской прессы, языческой и безбожной по своей сути, то отложите написанное им как очевидный соблазн: это не церковное дело. В лучшем случае - ошибка, отражающая духовное нездоровье пишущего. В худшем случае - очередной заказ врагов Церкви Христовой. Поэтому на вопрос о том, как можно отличить церковную прессу от нецерковной, я бы ответил просто: исходя из духа и языка издания. Если утверждаемое в данном издании противно нравственным принципам христианства, то никогда этому изданию не быть православным, каким бы «православным» названием оно ни прикрывало свою суть и свои истинные цели. Нельзя защитить Церковь и веру, используя язык и методологию безбожников и язычников. Зато и не найти лучшего способа, дабы внести соблазн и нестроения в народ Божий. Ибо сказано: «По делам их узнаете их». А дело журналиста есть слово, которое он посылает в мир. И по этому слову с первого взгляда видно, исходит ли оно от христианина, близко к сердцу принимающего проблемы Церкви, или от человека нецерковного, ищущего нанести урон Церкви.

Итак, церковная пресса - только та, которая осуществляет профессиональную журналистскую деятельность, всецело основываясь на принципах христианской морали. Нам могут возразить: «А как же быть в таком случае со свободой слова?» Действительно, «к свободе призваны вы, братия» (Гал. 5, 13). В то же время идея свободы, вероятно, наиболее сложная для интерпретации в категориях христианского богословия, в наше время приобретает особую значимость. Будучи утверждаема современной либеральной доктриной в качестве высшей и безусловной ценности челове-



ского существования. Понятием свободы ныне пытаются объяснить и оправдать всё на свете, включая почти любое беззаконие на уровне личности, семьи, общества и государства. Однако не может быть в христианстве иного понимания Божьего дара свободы, кроме того, которое оставлено нам апостолом Павлом, толковавшим ее как «освобождение от греха» (Рим. 6, 22). Такая свобода есть неслесанный выбор личности в пользу святости и следования воле Божией. И если эта истина о христианской свободе правомерна применительно к личной жизни человека, к жизни семьи, общества и государства, то совершенно очевидно, что она будет не в меньшей степени правомерна и в отношении средств массовой информации. Таким образом, свободный церковный журналист — тот, который своей профессиональной деятельностью старается противостоять злу, греху и неправде и использует для этого средства, соответствующие нормам христианской морали.

Теперь о том, в чем состоит характер и специфика церковной прессы. С одной стороны, это издания, адресованные людям церковным. С другой стороны, Церковь неотделима от жизни всего общества и потому ее издания должны быть воспринимаемы внешним миром, достойно свидетельствуя ему о Церкви. Церковный журналист, обращающийся в первую очередь к единоверцам, таким же, как и он сам, верным чадам Церкви, одновременно должен учитывать, как отзовется его слово за церковной оградой. Это очень важный момент, ибо церковные средства массовой информации неизбежно осуществляют некую миссию Церкви в окружающем мире. Ныне епархиальные издания нередко попадают в светские библиотеки, в учебные

заведения. Изначально адресованные клирикам и прихожанам, эти издания становятся достоянием светской читающей публики, для которой они являются порой единственным источником информации о жизни Церкви в той или иной епархии. Это двойное предназначение церковной прессы является своего рода вызовом пишущему. Ибо церковный журналист должен быть одинаково понятен и интересен как для народа Божия, укорененного в церковном Предании, так и для людей светских, живущих вне рамок этого Предания.

Первой и главной проблемой, с которой лично мне пришлось столкнуться, приступая к субботней телепрограмме «Слово пастыря» на канале ОРТ, был вопрос о языке. Меня просили рассказывать о православной вере, об основах православного богословия. Но кому адресовать это слово? Существует богословски подготовленная аудитория, есть простые верующие люди, немало людей невоцерковленных, но интересующихся православным вероучением, наконец, есть и такие, кто отвергает Православие. На каком языке разговаривать со всеми этими людьми? Один мудрый человек дал мне замечательный совет: «Говорите на своем языке и теми словами, которыми Вы обычно обращаетесь к людям». Я думаю, что язык журналистов, пишущих о жизни Церкви, не должен быть ни нарочитым, ни вычурным, ни искусственным. Вадь зачастую вполне светские по своему духу и мышлению авторы стремятся особым образом архаизировать и стилизовать свою речь, добиваясь эффекта, который, по их представлениям, должен свидетельствовать о сугубой воцерковленности пишущего. Подобные попытки наших современников воспроизводить лексику и стилистику русского богословия XVIII-XIX веков не только

неудобопостижимы для нынешнего читателя, не только способны обернуться неожиданным комическим эффектом, но могут даже отвратить читающего от истины вместо того, чтобы привести к ней. Исходя из собственного опыта и из анализа православной прессы, дерзаю утверждать: язык журналиста, освещающего жизнь Церкви, должен быть его собственным языком, свободным от псевдоправославной стилизации, становящейся преградой между содержанием текста и его восприятием современным человеком.

И, наконец, последнее, о чем я хотел бы сказать и что меня очень беспокоит. Сегодня после долгих десятилетий несвободы Церковь сталкивается с огромным множеством проблем, на которые у нее нет пока готового ответа. Это касается не только нашей Церкви. Ныне Вселенское Православие занято, в частности, изучением вопросов, на которые невозможно сыскать ответа ни в каких богословских книгах. Классический пример - проблема биоэтики. Ничего подобного этой проблематике не существовало в эпоху Вселенских Соборов, не было и у Святых Отцов никаких оснований ставить подобные вопросы. Остаются нерешенными и иные, чисто богословские вопросы, ответы на которые искали на рубеже XIX-XX веков, но революция и последовавшие за нею события оставили эти вопросы без ответов. Русская богословская мысль в эмиграции продолжила прерванный поиск, но сегодня многие из предлагавшихся тогда подходов не могут устроить современных православных людей.

Теперь мы вступаем в период повторно осмысления многих из тех проблем, которые казались решенными в начале века. Например, наше отношение к инославию,

которое было всесторонне изучено и сформулировано в процессе подготовки к Поместному Собору 1917-1918 годов, в результате чего Церковь и приняла решение вступить в межконфессиональный диалог. Собор постановил создать специальный орган для ведения такого диалога. В продолжение целого столетия наша Церковь участвовала в диалоге с англиканами и старокаатоликами. К весьма давним временам восходит начало диалога с дохалкидонскими Церквями. Все эти решения были благословлены авторитетом Поместного Собора 1917-1918 годов и лично святым Патриархом Тихоном.

Ныне, в связи с совершенно конкретными историческими причинами, многие в нашей Церкви ставят вопрос о неправомерности такого диалога. Не составляло бы труда отказаться от обсуждения данной темы, сославшись на никем не отменявшееся решение Поместного Собора. Но если верующие настаивают на новом обсуждении, видя в нем решение некой тревожащей их проблемы, то к такому обсуждению, вероятно, следовало бы возвратиться. Мы нуждаемся в развитой и действенной системе церковной прессы, в частности, и для того, чтобы все актуальные вопросы внутрицерковной жизни можно было бы поставить и осмыслить. При этом принципиально важно, чтобы всё это осуществлялось в духе христианской морали и братолюбия. Вместо этого некоторые из нас отвергают самый принцип обсуждения подобных проблем, восходящих к нашему церковному прошлому, требуя безоговорочно принять ту или иную точку зрения. При этом всякий разумный призыв к взаимноуважительной и серьезной дискуссии оценивается никак не меньше, чем «предательство Православия». Если церковная и близкая ей

по духу светская пресса будет использоваться для разжигания нездоровых страстей и насаждения в церковной ограде неподозрительных с точки зрения христианской этики методов давления на оппонентов, огульных обвинений и навешивания ярлыков, то это окажется губительным для духовного здоровья народа Божия. Сомневаюсь, что истинные чада Церкви дерзнули бы уступить подобному соблазну.

Существует ли реально так называемая экуменическая проблема? Да, безусловно. Может ли она быть подвергнута обсуждению? Это также бесспорно. Однако, к дискуссии следует приступать с отчетливым осознанием того, что ни у кого из нас нет и не может быть готового ответа на все вопросы, как нет права на владение истиной. К ней предстоит прийти в процессе общецерковной дискуссии, которая должна вестись с любовью и доверием к собратьям, оспаривающим нашу точку зрения или придерживающимся иных взглядов, но никогда - в развязном духе современной светской журналистики с ее заказными статьями и генетической враждебностью русской культурной традиции. В сущности, сегодня мы нуждаемся в интеллигентной общецерковной дискуссии почти по всем вопросам нашей внутренней жизни. Страницы церковной прессы должны быть местом честного сопоставления и взаимного обогащения взглядов, а не ареной противоборства темных языческих страстей. Ибо цель и задача церковной прессы - в меру своих сил и возможностей служить единству Церкви. Потому что Церковь обладает возможностью благотворно воздействовать на общество только до тех пор, пока сохраняется её внутреннее единство. Церковь же, разделившаяся в себе, сама лишает себя способности изменять окружающую жизнь к лучшему.

Имеющий глаза да видит: трагедия постсоветской Украины состоит в разделении Православной Церкви. Все неуклюжие попытки украинского руководства как-нибудь сколотить единую «незалежну Церкву» являются открытым признанием того, что без легитимной и единой Церкви ни о каком благодатном воздействии религии на общественную жизнь говорить не приходится. И потому там, где церковное единство по милости Божией не нарушено, его следует сберегать общими силами. Если нашей Церкви удалось что-то сделать в своем свидетельстве и социальном служении, если Церковь заняла подобающее ей место в общественной жизни, в массовом сознании и системе ценностей отдельного человека, то это произошло только потому, что Церковь сумела сберечь своё единство. Мы сильны, пока мы едины. Поэтому христианским долгом церковного журналиста должно быть в первую очередь служение единству нашей Церкви.

*Вопрос: В последнее время активно пропагандируется и навязывается читателю мысль о якобы существующем разделении между церковным сообществом, связанным дисциплиной и послушанием, с одной стороны, и некоей «независимой православной общественностью» - с другой. Как Вы расцениваете попытки утвердить подобное разграничение внутри единого народа Божия?*

*Ответ: Этот вопрос очень важен. Сравнительно недавно меня посетил бывший полковник КГБ, ныне занятый созданием Православной партии. Он пришел, чтобы в развернувшейся избирательной кампании заручиться поддержкой Смоленской епархии, которая через свои приходы могла бы, по его мнению, содействовать успеху новой партии на выборах. С полным уважением к*

собеседнику я задал ему один вопрос: «Прихожанином какого храма Вы являетесь? Спрашиваю потому, что никогда не видел Вас в кафедральном соборе». - «Я не являюсь прихожанином никакого храма, - отвечает он, - мне не обязательно ходить в церковь, чтобы представлять православную общественность». Я спрашиваю: «Как же такое возможно?» Он в ответ: «Это - политическая жизнь, а не церковная. Мы используем исторический авторитет Православия в народе для успеха нашего политического движения».

Я объяснил этому ходоку, что не может быть никакой «православной общественности» в отрыве от Православной Церкви. Либо вы являетесь членом Церкви Христовой со всеми вытекающими отсюда не только правами, но и обязанностями, в первую очередь каноническими, либо пребываете вне церковной ограды и, следовательно, не можете представлять от имени Церкви. Ибо невозможно именоваться православным человеком, не будучи крещеным, не признавая в качестве основополагающих догматические и канонические позиции Православной Церкви. Поэтому использование в этом смысле понятия «православная общественность» я расцениваю как попытку кощунственной эксплуатации того огромного авторитета, который, милостью Божией, имеет Церковь в нашем обществе, несмотря на все выпавшие на ее долю испытания. Скажу больше: провал на выборах всех так называемых православных партий ясно доказывает невозможность для какой-либо общественной силы сочетать попытки опоры на авторитет Церкви с одновременным игнорированием церковных установлений, с отказом от принципа церковной дисциплины. Не приходится сомневаться, что время от времени подобные

попытки будут, к сожалению, возобновляться. Появление так называемой «православной общественности» в средствах массовой информации - из их числа.

*Вопрос: Нередко журналисты, пишущие о жизни Церкви, предпочитают не обращаться к официальным церковным источникам, но прибегать к собственным домыслам, оправдывая это труднодоступностью Священноначалия. Не считаете ли Вы необходимым возродить прерванную два года назад традицию проведения ежемесячных брифингов с участием Вашего Высокопреосвященства или Ваших ближайших сотрудников, с тем чтобы регулярно излагать в средствах массовой информации официальную позицию Церкви по актуальным вопросам?*

Ответ: Это весьма болезненный вопрос, ибо он напрямую связан с моей деятельностью как председателя Отдела внешних церковных сношений. Как вам известно, ОВЦС не только ведает вопросами, связанными с зарубежной деятельностью нашей Церкви, но и занимается всем комплексом проблем, связанных с церковно-государственными и церковно-общественными отношениями в России. На недавнем заседании Священного Синода был представлен отчет о работе ОВЦС. Лишь краткое знакомство с деятельностью Отдела заняло полтора часа. Достаточно сказать, что ежедневно проходят различные конференции, симпозиумы, семинары, «круглые столы», на которых должна быть представлена позиция Церкви по самым различным проблемам. Помимо своей текущей работы сотрудники ОВЦС также участвуют в этом процессе. Очень важно, что через такого рода мероприятия осуществляется постоянный диалог между Церковью и обществом по самым актуальным вопросам, однако подобный

объем работы практически не оставляет времени ни на что другое. Единственная причина, по которой практика проведения брифингов, о которых вы говорите, сошла на нет, - в невозможности физического присутствия на них председателя ОВЦС или его заместителей. Тем не менее, я благодарен за то, что вы подняли этот вопрос и обязательно поставлю его перед своими сотрудниками. Считаю, что такие встречи с прессой нужно проводить обязательно.

**Вопрос:** *Как Вы, Ваше Высокопреосвященство, расцениваете нынешнюю ситуацию с нашими приходами в Эстонии?*

**Ответ:** Все главные святыни Эстонского Православия принадлежат Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. В 1996 году на переговорах с делегацией Константинопольского Патриархата в Цюрихе мы достигли соглашения о разделении приходов между двумя юрисдикциями. Затем была проведена большая работа, с тем, чтобы все приходы имели возможность свободного самоопределения. Было составлено два списка: православных приходов, оставшихся в лоне Русской Православной Церкви, и приходов, перешедших в юрисдикцию Константинопольского Патриархата.

Следующим этапом должны были быть совместные действия Константинопольского и Московского Патриархатов по регистрации приходов Московского Патриархата и передаче им собственности. К сожалению, этот пункт соглашения об упорядочении дел в приходах Константинопольский Патриархат отказывается выполнять, ссылаясь на обращенное к нашей Церкви требование митрополита Эстонского Стефана признать его в качестве единственного законного главы Эстонской Автономной Церкви. Естественно, наша Церковь не может признать этого

просто потому, что для этого пришлось бы отказаться от признания Эстонской Церкви в юрисдикции Московского Патриархата, которая получила статус самоуправляемой Церкви решением Патриарха Тихона и Томосом Патриарха Алексия II. Православная Церковь в Эстонии находилась в юрисдикции Русской Православной Церкви на протяжении столетий, и лишь в продолжении двух предвоенных десятилетий по политическим причинам, в силу изоляции России от Эстонии, она неканонически была подчинена Константинопольскому Патриархату.

В силу изложенного у нас нет ни канонических, ни исторических оснований согласиться с точкой зрения, согласно которой юрисдикция Константинопольского Патриархата в Эстонии является единственной законной Автономной Православной Церковью на территории Эстонии. Что же касается позиции эстонского правительства, то здесь намечаются положительные сдвиги. Мы постоянно ведем диалог с руководством Эстонии, занятым, в частности, поисками взаимоприемлемого решения вопроса. Разработана, например, такая схема: собственность, принадлежащую тем приходам, которые добровольно определили себя как принадлежащие юрисдикции Московского Патриархата, правительство Эстонии могло бы принять и затем передать ее Русской Православной Церкви. Однако, такому решению, получившему поддержку эстонского правительства, противостоит недобрая воля митрополита Стефана. Таким образом, противодействием митрополита Стефана нарушаются достигнутые Московским и Константинопольским Патриархатами договоренности. Предстоит еще один этап наших переговоров с Константинополем, и мы будем стараться изменить ситуацию, ибо

общеполитическая ситуация в Эстонии ныне более благоприятна для окончательного решения всех вопросов.

**Вопрос:** Некогда имена священников Александра Меня и Глеба Якунина являлись своего рода символами церковного возрождения. Однако, те люди, которые некогда были близки о. Александру Мению, ныне заняты какой-то непонятной неособновленческой активностью. Как Вам видится эта ситуация?

**Ответ:** Я не хотел бы в нашем уважаемом собрании комментировать все, что связано с личностью и «деятельностью» Глеба Якунина; тут потребовались бы совсем другие формулировки... Что касается о. Александра Меня, то, при историческом взгляде на его деятельность становится совершенно очевидно: его проповедническое слово способствовало возникновению в обществе большого интереса к Православию, привлечению в церковную ограду значительного числа верующих из интеллигенции. Мы были бы неблагодарными людьми и дурными христианами, если бы вычеркнули из памяти его миссионерский подвиг или задним числом осудили бы священника за его свидетельство.

Однако в книгах отца Александра Меня содержится нечто, что смущает совесть традиционно верующих православных людей. В этой ситуации я предпочел бы призвать к открытому и честному диалогу о духовном наследии о.Александра, но отнюдь не ограничиваться бездоказательными обвинениями или неумеренными превозношениями. Будем помнить, что речь идет о священнике, который приводил людей ко Христу и к Церкви Божией. Но если есть здесь что-то, что смущает народ Божий, то дискутировать об этом можно и должно, при посредстве той же церковной прессы.

Полагаю, формулировать возникающие сомнения следовало бы интеллигентно и грамотно, и столь же интеллигентно и грамотно отвечать на них. Только в обстановке спокойного, доказательного и взаимноуважительного диалога можно выяснить, идет ли речь о заблуждении, о частном богословском мнении, или о допустимой точке зрения в рамках церковного Предания...

Вообще говоря, помимо этого вопроса можно было бы обозначить еще десятки проблем, нуждающихся в добросовестном, честном и открытом христианском обсуждении. И тогда не было бы у нас ни проблемы о.Александра Меня, ни проблемы неособновленчества, ни других проблем. Нужно лишь здраво, аргументированно, в духе братолюбия обсуждать их на страницах церковной прессы...

**Вопрос:** Среди православных людей очень велико желание, чтобы как можно скорее были канонизированы Царственные Мученики - Государь Николай II и его семья. Известно ли Вашему Высокопреосвященству о том, как решается этот вопрос?

**Ответ:** Подготовительная работа Синодальной Комиссии по их канонизации завершилась. Было внесено предложение прославить убиенного Государя и его семью как страстотерпцев. Окончательное суждение по вопросу канонизации будет иметь юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, который пройдет в августе. Этот вопрос уже внесен в его повестку дня.

ФОНД СОЛИДАРНОСТИ:  
Bratstwo e.V. - Solidaritätsspende  
Konto 230 018 96, BLZ 512 500 00  
Taunus-Sparkasse Bad Homburg

## КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ХРИСТИАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

Россия и Запад расходятся в решении данного вопроса

МАРИЯ ПЕТРОВА

Вскоре после введения предмета «теология» в классификатор дисциплин высших учебных заведений Российской Федерации 1 февраля 2000 года Министерство образования совместно с Фондом христианской культуры и образования «Добро» организовали двухдневную международную научную конференцию «Христианство и образование», которая проходила в Российской академии образования (РАО) 23-24 марта.

Открыл научный форум президент РАО академик Николай Нянданов. Он сказал, что необходимо использовать статью Конституции о свободе информации для преподавания в школах дисциплин, раскрывающих суть христианства. При этом академик подчеркнул традиционное для России сосуществование разных религий. «Коран во многом перекликается с Библией. И древне-египетская Книга мертвых в базовых ценностях близка Библии», - такие параллели провел к Священному писанию президент РАО.

Пол Кинел, почетный президент Международной ассоциации христианских школ (МАХШ, США), как преимущество России отметил появившуюся возможность преподавания христианских дисциплин в школах. «В Америке не разрешается изучать Библию в школах. Незаконным считается даже написать на стене 10 заповедей», - сообщил российским коллегам Пол Кинел. Он считает, что основная проблема кроется в отсут-

ствии стандартов нравственности в современной системе образования, от чего страдают ученики. Основанием этих стандартов, которые стали бы приемлемыми для католиков, протестантов, православных, и для мусульман, и для иудеев, президент МАХШ видит именно в 10 заповедях.

С библиоцентризмом американского гостя не согласились многие российские коллеги. Доктор философских наук Александр Малышевский, директор государственного научного учреждения «Центр философии образования», указал на необходимость соотносить содержание новых программ по обсуждаемой теме с национальной идеей, учитывать федеральный и региональный компоненты. Секретарь правления Союза писателей России Перевезенцев заметил: «Возвращение христианства в российскую школу многие понимают слишком узко лишь как совокупность моральных ценностей. Следует шире осмысливать христианство, при этом не забывая, что вера наша - православная, предполагающая не личное, а соборное спасение. Первейшая задача отечественной педагогики так выстроить образовательный процесс в России, чтобы его методологической основой стало православие».

Опытом преподавания теологии в Дальневосточном государственном университете (ДГУ) поделился клирик Владивостокской епархии Русской Православной Церкви свя-

щенник Ростислав Мороз. В ДГУ год назад были учреждены отделение и кафедра теологии и религиоведения, которые возглавил правящий архиерей-епископ Венямин. «Религиозное образование в светских учебных заведениях сегодня проблематично, так как оно представляет собой обучение духовному опыту. Давать информацию по религиозным вопросам должны верующие люди, имеющие адекватные представления о духовности», — убежден о. Ростислав. Новый опыт, по мнению священника, пока еще, к сожалению, «вызывает острую неприязнь со стороны религиоведов, что неудивительно, так как религиоведение в большинстве российских вузов является не чем иным, как модифицированным под современные идеологические условия научным атеизмом».

Обсуждение заявленных тем продолжалось во второй день научного форума, когда делегаты работали в четырех сакциях: «Философия христианства. Культурный и образовательный контекст», «Проблемы светского и религиозного образования в современном образовательном учреждении. Международный опыт», «История христианской культуры и образования», «Проблемы духовно-нравственного воспитания и христианство».

Оживленно обсуждалось — Обращение к странам-участницам о необходимости объединения усилий в решении практических задач на основе морально-этических ценностей христианского образования и воспитания, представленное на итоговом заседании встречи. Участники высказывали диаметрально противоположные мнения. Так, с точки зрения директора Центра истории религии и церкви РАН Ольги Васильевой, в проекте не следовало «подчеркивать особую роль православия, так как это некорректно по отношению к другим конфессиям». Но

доктор философских наук Замалева категорически заявила: «Этот проект — бездарен хотя бы потому, что он библиизирован в общем плане и являет собой, по сути, экуменический документ. А для русского православного сознания экуменизация вредна. У нас единой общехристианской педагогики быть не может, потому что она не соответствует российским реалиям».

Однако после внесения определенных поправок, документ был принят большинством голосов. Закрывая работу конференции, президент фонда христианской культуры и образования «Добро» Ольга Полыковская заявила, что «аналогичные форумы ученых и педагогов будут проводиться и в дальнейшем».

Благовест-инфо. Москва, 24 июня 2000 года

## **ПРОТОПРЕСВИТЕР ВИТАЛИЙ БОРОВОЙ ПРЕДЛАГАЕТ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ НА РУССКУЮ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКУЮ МЫСЛЬ КАК НА ОСНОВУ БУДУЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

О необходимости взять за основу для социальной доктрины Русской Православной Церкви наследие русской религиозно-философской мысли заявил почетный настоятель храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке протопресвитер Виталий Боровой.

Выступая 22 июня на секции «Социальная и педагогическая деятельность Церкви», проходившей в рамках конференции «Христианство на пороге нового тысячелетия», протопресвитер отметил, что «вся русская



религиозно-философская мысль - социальна и содержит ответы на основные социальные вопросы российской жизни. Будучи основана на христианском учении, русская религиозная философия способна стать фундаментом для социальной доктрины Русской Православной Церкви.

Такое убеждение протопресвитер высказал, оспаривая заявление о всеобъемлющем характере социальной доктрины Римско-Католической Церкви, которое было сделано на той же секции сотрудником Института Европы Мариной Каргаловой и другими докладчиками. Протопресвитер Виталий Боровой

подчеркнул также, что первоначально христианская социальная доктрина была разработана протестантами. Но Римско-Католическая Церковь, увидев свое отставание в этой сфере, в конце концов не просто восполнила этот пробел, но и превзошла протестантов.

То же, по мнению выступающего, может сделать и Русская Православная Церковь. Религиозные философы начала XX века достаточно разработали социальную тему. «В конце концов эти философы должны быть объявлены Отцами Церкви», заключил протопресвитер Виталий Боровой.

«Независимая газета» - «НГ - религии» 2 декабря 1999 года

## ПОДРОБНОСТИ О ГЛАВНОМ ХРАМЕ СТРАНЫ

«Это уникальная работа, и, скажем, в Америке сейчас на всех углах трубили бы о таком труде», - говорит руководитель Координационного совета по воссозданию художественного убранства храма Христа Спасителя священник Леонид Калинин

### ДМИТРИЙ БУТКЕВИЧ, МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

- Отец Леонид, часть общества настроена против использования при восстановлении храма иных материалов, нежели при первоначальном строительстве. Имеется в виду применение искусственных материалов, а также темперы во внутренних росписях.

- Недавно Святейший Патриарх меня отчитал, сказав, что нельзя вступать в полемику с людьми непрофессиональными и ангажированными. Все материалы, которые здесь использованы, натуральные, те же самые, которые использованы в храме XIX века, кроме круглых тондо на фасадах, временно выполненных в стеклопла-

стике (позже они обязательно будут сделаны в бронзе), так как просто не было ни средств, ни времени сделать их в бронзе, как это было первично предусмотрено проектом. А ведь проект никто не менял.

То, что тондо были выполнены в доломите, который разрушился через десять лет, - это беда первого храма. Сначала предложили гальванику, потом - самый дешевый материал, который только был - доломит. Он стоит, как гипс. Сделали барельефы. Они сейчас в бедственном положении, хранятся в Донском монастыре, и это несмотря на то, что в 1911 году скульпторы Коненков и Волнухин проводи-

ли реставрацию. Они брали жидкое стекло (полимерный материал, в то время уникальный), делали смесь с цементом и восставляли изъеденные коррозией поверхности барельефов.

Мы не могли пойти этим путем и вернулись к первоначальному проекту, который был высочайше утвержден императором Николаем I и святителем московским митрополитом Филаретом Дроздовым. Так что никаких новшеств мы не применили. В верхнем храме нет ни одного фрагмента искусственного мрамора - весь камень естественный. Он широко используется в нижних помещениях: в Трапезных палатах, в Зале соборов. Но это нормально - ведь всё это новодельные помещения.

Все «общественные мнения» - результат обиды людей, которые не смогли забыть о себе и о своем кошельке и заниматься только храмом. Здесь требовался титанический труд, а они думали только о своей славе. И в результате они вылетели отсюда, Бог их не потерпел.

Только что здесь была государственная комиссия, и ее оценка выше, чем можно было ожидать. Работа была проведена уникальная и по своей скорости, и по технологии. Было важно при этой скорости не утратить тех технологических приемов, которые позволяют сделать живопись долговечной. Бронзовая скульптура современного храма простоят тысячу лет. Гальванопластика простояла бы сорок лет, рельефы в доломите - десять.

Теперь наша живопись выполнена на основе восьми-двенадцати сантиметров от основания стен. Под живописными поверхностями циркулируют огромные объемы воздуха, соблюдая у поверхности постоянную заданную влажность.

Четыре раза по 22 тысячи квадратных метров всей росписи пришлось покрывать шпаклевками, специально разработанными

для нашего храма. Это уникальная работа, и, скажем в Америке сейчас на всех углах трубили бы о таком труде.

- Сколько всего денег было потрачено на полную отделку храма?

- Всё познаётся в сравнении. Первый храм Христа Спасителя обошелся государственной казне в несколько десятков раз дороже. Нынешний храм строился благодаря поддержке Фонда воссоздания храма. Он включает в себя частные пожертвования, а также средства правительства Москвы, полученные в результате аукционов, повышения цен на аренду помещений для высокоплатежеспособных фирм. Что же касается конкретной цифры, то она приближается к 600 миллионам долларов.

- По какому принципу выбирались художественные мастерские и те коллективы, которые проводили работы по восстановлению?

- Исключительно на конкурсной основе. Было 36 коллективов соискателей на право воссоздания росписи храма. Из них выбрано 15 по конкурсу. Они создали 15 бригад по 20-30 человек в каждой. Вся работа велась под руководством Российской академии художеств и ее президента Зураба Церетели. Он сумел всё это организовать грамотно, научно, что и видно по результатам. Я хочу отметить замечательного искусствоведа Любовь Ширшову, знающую всех современных художников. Она всю жизнь занималась современным искусством и знала возможности тех или иных бригад. В соответствии с этими возможностями и предлагался каждой бригаде тот или иной участок. Все с распределением согласились. Не было ни одного скандала. А вот купол расписывать все отказались, и тогда Зураб Константинович сказал как выигравший конкурс: «А я возьмусь!». Он, кстати, участвовал в конкурсе наравне со всеми, причём это был конкурс девизов. Мы на имена на

смотрели. Чистота конкурса и определила качество работы, если бы конкурс был нечестный - не было бы такого храма.

- Действительно ли первое время художники работали почти бесплатно?

- Не только первое, но и последнее. До сих пор им выплачены только самые минимальные авансы. Это составляет не более 20% общей стоимости живописных работ. Более того, если бы эта работа делалась в любой другой стране мира, то она бы стоила не 600 миллионов, и даже не 6 миллиардов долларов, а, поверьте, гораздо больше.

- Кому принадлежало последнее слово в одобрении эскизов? Вам или, к примеру, Лужкову?

- Конечно, нам. Хотя мы всегда советовались, показывая эскизы мэру Москвы. Но, надо сказать, что он этим никогда не злоупотреблял.

- Он действительно серьезно интересовался восстановлением собора?

- Да, он всем интересовался, во всё вникал, но всегда слушал, что скажет Церковь и профессионалы. Он иногда давал абсолютно точные советы, как решить какие-то технические вещи. И они всегда попадали в точку, в десятку. Он великий строитель, и даже если бы он больше ничего не сделал, то всё равно бы вошел в историю за один этот храм.

- Когда смотришь на росписи, создается впечатление, что они немного разнотильные. Это так было и в старом храме?

- Я бы не сказал, что это разнотильность. Стиль-то как раз общий. Есть небольшая разница в колорите и в тональном решении. Возьмем яркие и объемные фигуры в хорных арках. На севере и юге одной бригадой созданы два мощных живописных крыла. А на востоке фигуры написаны легко и воздушно. В восточной части основное внимание должно обращаться на

иконостас и крест. Поэтому здесь хорные арки делаются на полтора тона легче. Мы специально усилили тон, потому что пройдет 20, 50, 100 лет и вся живопись «сядет» на свое место. Ну и потом мы всегда можем внести корректировку.

- Скажите, в каком режиме будет работать храм? Будет ли он открыт после 7 или 8 января каждый день? Или только по воскресным и праздничным дням?

- Я думаю, что он будет всегда открыт, но я не уверен, что это будет уже в январе. 31 декабря состоится малое освящение храма. В июле пройдет великое освящение, а до июля у нас нет полной готовности комплекса. Мы еще будем дорабатывать некоторые нюансы, например малые алтари на хорах. Можно сказать, что храм практически готов, остались только небольшие доработки.

- Какое количество золота пошло на убранство храма?

- Внутри примерно 9 тысяч квадратных метров сплошного золочения: под всеми орнаментами, под шрифтами, под символом веры в арках. Огромные потолки на севере и юге также покрыты чистым золотом. На всё ушло около 150 килограммов чистого сусального золота.

Хочу еще сказать насчет росписи. Недоброжелатели обвиняют нас в том, что это не чисто масляная живопись, как было в XIX столетии, а акриловая темпера. Мы были бы счастливы расписать весь храм темперой на любой связующей основе: будь то яйцо или акрил. Главное, чтобы всё было прочно и пигмент был натуральным. Церковь с радостью примет любые достижения науки, если они не противоречат канонам и не портят качество.

- Вы говорите, что счастливы были бы расписать храм темперой, но не получилось. Почему?

- Дело в том, что Общественным наблюдательным советом была принята концепция воссоздания храма в первоначальном виде. Поэтому темперу мы могли использовать только на наиболее опасных участках, где велика опасность повреждения, коррозии живописной поверхности, в основном около входов. Но это не более 250-300 квадратных метров.

- Еще один вопрос по технологии. Известно, что в старом храме была большая влажность, даже были лужи воды на полу.

- Действительно, был подсос воды потому, что не было большого подклета, храм стоял практически на грунте. Несколько ручьев, впадающих в Мокву-реку в этом месте, создают неблагоприятную обстановку под храмом. В свое время, когда строили Дворец советов, то заложили гигантское бетонное кольцо толщиной 12 и шириной 16 метров, которое и сейчас находится под нашим храмом. Оно перекрыло потоки, их отвели в сторону, и они сейчас уходят в Москву-реку. В центре кольца еще была комната политбюро на глубине 60 метров прямо под бассейном «Москва». Она была нами полностью забетонирована потому, что нам под храмом таких памятников архитектуры сталинского времени не нужно. А комната была действующая, с телефонами. На телефонах надпись: «Помни, товарищ, телефонный разговор не обеспечивает режима секретности!». Всё это было вывезено и сдано в соответствующие музеи. Причем комната функционировала вплоть до последнего времени. Но теперь там чистая земля - ничего внутри нет. Теперь там нижний храм, Зал соборов, Трапезные палаты - всё это для горожан, для москвичей, для гостей, для всех людей.

- Расскажите, пожалуйста, о хозяйственных пристройках к храму. Говорят, что есть какая-то гостиница, специальные залы, специальный гараж.

- Это просто гараж, который обслуживает жизнь храма. Он вынесен за пределы храма, насколько это возможно. В него заезды с западной части входа в нижний храм. А почему бы и нет? Люди хотят приехать с семьей. Любой человек может за небольшую плату ненадолго оставить машину. Сейчас мы отработываем эту систему. Например: на два часа это будет стоить 15-20 рублей. Разве это плохо?

- То есть стоянка будет занята только приехавшими в храм?

- Нет, частично она уже сейчас загружена теми людьми, кто заплатил вперед за длительную стоянку. Это дает доход службе эксплуатации храма. Любой метод получения средств, который не противоречит канонам Церкви, допустим.

- Служба эксплуатации храма - это не церковная организация, а городская, не так ли?

- Служба эксплуатации храма пока принадлежит Фонду финансовой поддержки. Пока мы еще не отрегулировали все вопросы, связанные с эксплуатацией.

- Храм ведь будет находиться на балансе города?

- Он будет передан Московской Патриархии. Видимо, будет составлен особый договор, чтобы осуществлялась совместная эксплуатация и раздел расходов. Такой уникальный храм является не только религиозным объектом, но и производением искусства и туристским центром.

- По вашим оценкам, какие средства потребуются на эксплуатацию храма, на содержание его в нормальном состоянии?

- В данный момент это определить практически невозможно. У нас еще не набран штат. Могу сказать, что строители тратили приблизительно 2,5 миллиона рублей за квартал. Это приблизительно 100 тысяч долларов.

- А сколько посетителей будет вмещать храм?

- Он рассчитан на 10 тысяч человек с учетом галерей. Например, Исаакиевский собор рассчитан на это количество без галерей. Там галерей просто нет. У нас другая схема построения: так, диаметр у нас больше; купол у нас 30 метров, а там - 22; высота внутреннего объема - 79, а там - 71..

- Отец Леонид, известно, что в некоторых храмах есть иконы, которые были спасены при разрушении этого храма. Будут ли они сюда возвращаться?

- Например, в церкви Ильи Пророка Обыденного, но там не сами иконы, а их точные копии в уменьшенном варианте. Мы были бы рады, если бы люди после вашей публикации принесли, что могут, и передали в храм или музей. Здесь должно быть всё самое лучшее и от первого храма. Кстати, о деньгах... Если каждый россиянин отдасть по четыре рубля, мы бы полностью расплатились со всеми долгами. Всё это сделано во славу Божию, ради 2000-летия христианства. 22 миллиона человек уже вложили в это деньги.

- В следующем году должен созываться Архиерейский собор. Переместится ли он из Даниловской гостиницы в храм Христа Спасителя?

- Да, он должен проходить здесь. Но опять всё уперлось в деньги. Если удастся их собрать, то будет построен комплекс, служащий людям. Тут могут проходить концерты церковной музыки, рождественские ёлки (в храме, а не в Кремлевском дворце). В Трапезных палатах может быть выставочный зал. Сейчас у Церкви нет своего выставочного зала. Пусть сюда приходят и верующие, и неверующие. Храм открыт всем людям.

- Расскажите намного о себе.

- Я изображен в композиции «Вход Господень во Иерусалим» в виде осла. Мое дело было здесь Господа нести и Его благословение выполнять. Я окончил в 1993 году Институт имени Сурикова по классу скульптуры у академика Олега Комова. Потом аспирантуру. Я член Союза художников, имею ряд выставок, связанных с историей церковного искусства: пластика, древнерусская скульптура. Это мои основные любимые темы, которыми я уже три года не занимаюсь. Здесь я освоил живопись и монументальное искусство. Практически с 1995 года я здесь. Вначале я был консультантом по залу Трапезных палат, потом по Залу соборов. Потом меня ввели в Комиссию по художественному убранству и Наблюдательный совет во главе со Святейшим Патриархом и мэром Москвы. Затем я стал руководителем координационной группы специалистов по воссозданию художественного убранства храма Христа Спасителя.

Моя ответственность перед Богом - сдать идеально завершённую работу. В координационной группе работают замечательные специалисты, эксперты, реставраторы высшей категории. У нас с ними не было ни одного конфликта. Мы убеждаем в своей правоте со смирением. Мы работаем под девизом первого Храма: «Не нам, не нам, а Имени Твоему даждь славу, Господи!».

## БРАТСКИЙ ВЕСТНИК

Перепечатаваемые в неофициальной части материалы российских средств информации не обязательно отражают точку зрения Редакции. Перепечатка собственных материалов «Братского Вестника» разрешается. «Братский Вестник» рассылается бесплатно. Желающие оказать поддержку благоволят переводить пожертвования на счет:

BRATSTVO - VESTNIK

Konto 230 018 96, BLZ 512 500 00

Talpus-Sparkasse Bad Homburg

## СПИСОК ЧУДОТВОРНОГО ОБРАЗА ПЕРЕДАН В БЕРЛИНЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

16 июня в Берлине, в Ведомстве Федерального Канцлера, состоялась торжественная передача Русской Православной Церкви Псково-Печерской иконы Божией Матери.

На церемонии присутствовали Президент Российской Федерации В.В.Путин и Канцлер Федеративной Республики Германия Герхард Шрёдер.

От имени Русской Православной Церкви образ принял Постоянный представитель Русской Православной Церкви в Германии архиепископ Клинский Лонгин.

В тот же день супруга Президента В.В.Путина посетила храм во имя святого благоверного князя Александра Невского в Потсдаме, где ее встречал и приветствовал архиепископ Берлинский и Германский Феофан.

«Радонеж». 6 июня 2000 года

## ПО СЛОВАМ ВЛАДИМИРА ПУТИНА, ПРОБЛЕМА ПРИЕЗДА ПАПЫ В РОССИЮ НЕ ОБСУЖДАЛАСЬ. ПРЕЗИДЕНТ ОБЪЯСНИЛ ПОЧЕМУ

«Папа римский - чрезвычайно интеллигентный человек, он всё понимает и поэтому проблема его поездки в Россию не обсуждалась». Об этом заявил 6 июня на пресс-конференции президент России Владимир Путин, отвечая на вопросы журналистов, связанные с его встречей с главой Римско-католической церкви Иоанном Павлом II. «Католическая церковь ведет в некоторой степени дискуссию с Русской Православной Церковью, - сказал президент. - Мы знаем, что она носит позитив-

ный характер и заинтересованы в том, чтобы все вопросы были решены. В объединенной Европе много конфессий. Думаю, что с Русской Православной Церковью и Католической церковью всё будет в порядке, все дискуссии будут закончены. Мы не хотели бы вмешиваться в дискуссию между Русской Православной Церковью и Католической церковью. Сама беседа была продуктивной и обстоятельной. Хочу еще раз поблагодарить за это папу», - сказал Владимир Путин.

Русская линия. 3 июля 2000 года

## ВЛАДИМИР ПУТИН И АЛЕКСИЙ II ВСТРЕТЯТСЯ НА ВАЛААМЕ

Патриарх Московский и всяя Руси Алексей II и Президент России Владимир Путин намерены посетить Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам в Ладожском озере в первой половине июля. Ожидается, что свой визит Алексей II

начнет с Санкт-Петербурга, где посетит Духовную академию.

Ожидается, что накануне престольного праздника преподобных Сергия и Германа Валаамских патриарх прибудет на Валаам. В этот день программой предусмотрен

объезд Алексием II островных монастырских построек и скитов. На следующий день, в самый праздник, патриарх отслужит литургию по случаю престольного праздника. В этот же день ожидается прибытие на Валаам президента Владимира Путина, который ознакомится с достопримечательностями монастыря.

Предполагается, что здесь же состоятся переговоры Алексия II с главой Карелии Сергеем Катанандовым по вопросу отселения с острова местных жителей, не являющихся насельниками обители.

Валаамский архипелаг расположен в северо-западной части Ладожского озера и объединяет около пятидесяти островов. Еще до крещения Руси на самом большом острове архипелага - острове Валаам - поселились первые иноки. Вскоре трудами Сергия и Германа Валаамских здесь была основана монашеская обитель. Из валаамского братства вышли многие подвижники православия, причисленные затем к лику святых. Ежегодно Валаам в период навигации посещают тысячи паломников и туристов.

Новости Русской Православной Церкви, 5 июня 2000 года

## УЧАСТНИКАМ ПАМЯТНОЙ ВСТРЕЧИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ БОРИСА ЛЕОНИДОВИЧА ПАСТЕРНАКА

Переделкино, 30 мая 2000 года

Уважаемые друзья и почитатели творчества Бориса Пастернака!

Обращаясь к вам в достопамятный день кончины великого поэта, хочу засвидетельствовать, что Русская Православная Церковь высоко ценит его вклад в сокровищницу русской культуры, - вклад, в котором так ярко проявились лучшие свойства души Бориса Леонидовича, укорененные в присутствии ему христианском мироощущении.

Творческий путь Пастернака отразил его всё возрастающую обпащенность к духовным основам бытия человека и мира. От первоначальной многосложности своих ранних творений поэт с годами пришел к удивительной простоте и целостности, которые стали итогом его внутреннего, духовного преображения. На мой взгляд, к

вершинам творчества Пастернака относятся его стихи последних лет, передающие чуткое восприятие красоты сотворенного Богом мира, в котором поэт прозревал «как будто внутренность собора», куда доносятся отголоски хора вышних сил, где вечно длится Божественная служба.

В эпоху засилья государственного атеизма и попыток насильственно расторгнуть связь отечественной культурной традиции с ее религиозными корнями, Борис Леонидович с мужеством отстаивал христианское, православное видение свободы и достоинства человеческой личности. Отстаивал вопреки гнету извне и вопреки человеческой хрупкости, уязвимости, которые, конечно же, находил в себе самом. Оттого-то цикл его овангельских стихов из романа «Доктор Живаго», распространявшихся в рукописных

списках, для многих стал свидетельством о Христе и откровением о неумиравшей свободе, о Свете истинном, Который «дышит, где хочет» (Ин. 1, 5-9; 3, 8).

Трудный жребий поэта был осознан им самым как бесценный подарок Бога. Строчки, воплотившие его поэтический талант, живут в сердцах множества людей как неотъемлемая часть нашего культурного

наследия. Жизнь, полученная в дар, сбылась, по словам самого Пастернака, чрез «растворенье / Нас самих во всех других / Как бы им в даренье».

Всемилоостивый Господь да ублажит и упокоит раба Своего Бориса идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхание.

Алексий

Патриарх Московский и всяя Руси

Православие 2000 / Новости. 26 июня 2000 года

## ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ ПРОТЕСТУЮТ ПРОТИВ ВИЗИТА ФИЛАРЕТА ДЕНИСЕНКО В КРЫМ

23-24 июня глава церковного раскола Филарет Денисенко, именующий себя "Киевским Патриархом" прибыл в Крым по приглашению Института ВМС [Военно-морских сил - Ред. БВ] Украины для того, чтобы "напугать" выпускников на службу "незалежной" державе. Днем раньше в Севастополь прибыли группы боевиков УНА УНСО, которые рассказывали вокруг православных храмов Севастополя и выкрикивали антирусские и антицерковные лозунги.

Однако хорошо продуманные и организованные действия православных христиан Крыма позволили наглядно продемонстрировать подлинное отношение народа Украины к раскольникам. 23 июня епархиальный совет Симферопольско-Крымской епархии принял обращение к пастве, в котором напомнил о недопустимости какого-либо общения с лидером раскольников, на совести которого, помимо раскола, захваты сотен православных храмов. По его "благословению" боевики УНСО, УРП, РУХа и прочих подобных организаций избивали православных христиан, используя при этом слезоточивый газ, дубинки и заточки. В этот же день, протестуя против визита Денисенко, сотни священников и мирян Крыма

перекрыли основные трассы вокруг симферопольского аэропорта.

В Севастополе ему был оказан аналогичный прием. В субботу, 24 июня, Филарет намеревался посетить Херсонес, но с самого утра территория Херсонесского Свято-Владимирского монастыря и музея-заповедника была оцеплена севастопольским духовенством и верующими. Обстановка в городе была такой, что Филарет не только не решился появиться в Херсонесе, но и отменил посещение Института ВМСУ. Ни один руководитель Республики Крым и Севастополя не встретился с Денисенко. Верующие Украинской Православной Церкви Московского Патриархата и впредь намерены активно отстаивать свои права и единство Русской Православной Церкви.

### БРАТСКИЙ ВЕСТНИК

#### BRATSKIJ VESTNIK

Herausgeber: Vorstand der Bruderschaft des  
Heiligen Fuersten Wladimir e.V. Bratstwo  
Salmenstrasse 20, 97688 Bad Kissingen  
Verantwortlicher Redakteur: G. Rahr  
Im Jaegerfeld 36, 85399 Hallbergmoos  
Telefon 0811 93437